

Вера Каблукова
НА КУХНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья, 32 лет.
Гриша, 35 лет.
Мария, жена Гриши, 34 лет.
Михалёв, 47 лет.
Семён, 30 лет.
Татьяна, 30 лет.
Ромка, сын Михалёва, 16 лет.
Некие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кухня коммунальной квартиры. По стенам жмутся столы жильцов, стиральные машины, нержавеющей стали мойка, газовая плита, полки, шкафы. Над плитой протянуты бельевые верёвки. В пустом центре – два неприкаянных стула. В правой стене, ближе к авансцене – входная дверь (бывший черный ход, давно ставший единственным), в левой – дверь в комнату Ильи. В задней стене, отделяющей кухню от коридора, – проём без двери. В него видна дверь комнаты, в которой живут Семён и Татьяна. Налево коридор ведёт к Грише с Марией, направо – к санузелу и комнате Михалёва. В «четвёртой стене» предполагается окно.

Дождливое утро: серый свет, нудный шелест дождя. Тихо бормочет радиоточка.

Гриша курит, изучая новый телефон Ильи. Илья варит пельмени.

Гриша: А игры где?

Илья: Не знаю... Ну что, неужели все на свете сволочи?

Гриша *(не отрываясь от телефона):* Все.

Илья: И ни одного нет порядочного?

Гриша: Нет.

Илья: И ты сволочь?

Гриша: И я.

Илья: И Маша?

Гриша *(откладывает телефон):* Лучше б корейца взял. И дешевле, и заряд дольше держит.

Илья: Я говорю, твоя жена...

Гриша *(резко):* А я говорю, ты знаешь, что я прав, только сказать боишься. Потому что если все такие, то и ты тоже. А ты чистеньким хочешь быть: «Вы все дрянцо, а я на белом мерине».

Илья: Причём здесь я?

Гриша: Ты что, никогда не предавал? Не обижал никого? В жизни не соврал?... Ну и всё! И нечего из себя святого корчить.

Илья: Я и не корчу.

Гриша: Ты такой же, как все. Такая же ворвань.

Илья *(не сразу, тихо):* Как же тогда жить, если совсем в человека не верить?

Гриша: Так и жить, как всегда жили.

Илья: Темно как. *(Включает свет.)*

Из своей комнаты выходит Татьяна.

Гриша: Здорово, Танюх. Ты в галльон?

Татьяна: Всё тебе скажи. (*Видит Илью.*) Здравствуй, Илья. (*Заходит в кухню.*) А чего вы свет жжёте? Утро уже. (*Выключает свет.*)

Гриша: За людей общаемся.

Татьяна (Илье): Хмурый какой. Не выспался?

Илья: Я не ложился.

Гриша (Татьяне): Михалёв ночью бачок своротил.

Татьяна: Да ты что!

Гриша: Обсадился и давай фестивалить.

Татьяна: А как теперь?..

Гриша: Ну, горшок-то целый. А смывать ведром. Вон я набрал.

Татьяна: Не даёт скучать родная коммуналочка. (*Берёт ведро, идет в коридор.*)
Что ни день, то праздник.

Гриша (окликает её в дверях): Тань, шумни там Марье. Пусть выйдет.

Татьяна: Сам шумни.

Гриша: И Семёна позови.

Татьяна: Зачем?

Гриша: Разговор есть.

Илья (Грише): Если это про бачок, то не надо. Я дам деньги.

Гриша (Татьяне): Зови.

Татьяна ставит ведро, уходит налево по коридору. Слышно, как стучит в дверь.

Татьяна (из коридора): Маш, выходи на митинг!

Илья: Почему ты не съедешь отсюда?

Гриша: Ребёнок родится, съеду.

Татьяна заглядывает в свою комнату.

Татьяна: Семя, давай на кухню.

Семён (из комнаты): На кухню?

Татьяна берёт ведро, уходит направо по коридору.

Илья: Не съедешь.

Гриша (ставит на плиту чайник): Это почему?

Заходит Мария.

Мария (Илье): Привет. (*Грише*) Почту не приносили?

Гриша: Кто бы её принёс? А ты ждёшь чего?

Мария: Нет. Зачем звал?

Гриша: Сейчас все соберутся.

Илья: И Гриша скажет речь о бачке.

Гриша (Марии): Сейчас.

Выходит из своей комнаты Семён, одетый по-уличному.

Гриша: Здорово, дихлофосная душа. Как спал?

Семён: Как спал? Хорошо. Доброе утро, Маша. Илюша.

Мария: Доброе.

Гриша: Не просыпался ночью, когда игловой вжигал?

Семён: Гришенька, мне бежать надо.

Гриша: Успеешь.

Семён: У меня сегодня четыре адреса в старом фонде. Там шестиногих – полчища.

Гриша: Ты, кстати, мне ещё за стекло сто сорок рэ торчишь. (*Указывает на «окно».*)

Семён достаёт деньги.

А здесь когда травить будешь? Живём, как в зоопарке.

Мария: Он не будет. Он скоро в свою квартиру съедет.

Гриша: Да ну? Выкружил всё-таки ипотеку?

Семён: Через два дня скажут. Сегодня последние бумаги донесу и буду ждать. Но вроде должны дать. (*Улыбается.*) Даже удивительно!

Гриша: Ну, поздравляю, старик! Главное, молчал, тихоня!

Семён: Сглазить боялся.

Заходит Татьяна.

Илья: Кворум есть. Вещай.

Гриша (Татьяне): Набери ведро.

Татьяна: Уж догадаюсь как-нибудь.

Мария: Говори, Гриша, не тяни.

Гриша: Короче. Михалёв совсем страх потерял. Раньше он ширялся раз в месяц, а теперь два раза в неделю – как по графику.

Татьяна: Тоже мне новость.

Семён: Это он компьютер продал. Деньги уже кончились – он утихнет.

Гриша: Тихо, Сёмыч. (*всем*) С Михалёвым надо решать. Мне он в квартире не нужен. (*Семёну*) Выключи ты радио!

Семён выключает.

Мария: У него за квартплату триста тысяч долгу. Можно попробовать выселить.

Гриша: Не получится. Он прописал несовершеннолетнего сына.

Мария: И что?

Гриша: И то. Маша, я узнавал. Выселить его не получится.

Татьяна: Ну и зачем тогда этот разговор?

Гриша: Я придумал, что с ним делать.

Татьяна: Так говори.

Гриша: Скажу, когда время придёт.

Татьяна (насмешливо): Колчак!

Мария: Хватит вам.

Гриша (выдержав паузу): Недели две назад я накатал заявку в наркоконтроль. Вчера мне позвонил опер. Он сказал, что за употребление они его взять не могут. Могут только свозить в баночку пописать, и то если он согласится.

Мария: Куда свозить?

Гриша: На анализы. Но даже если он будет гашёный, как известно, это штраф. Посадить за это нельзя. А ширяется он в комнате.

Семён (растёгивая куртку): Вопредел весь.

Татьяна (Грише): Так что ты придумал-то?

Гриша: Его можно посадить за перевозку наркотиков. Он почти всё время сидит у себя, так? Из квартиры выходит только за дурью. Ну, не только, но почти. Значит, если у него появятся деньги, он уйдёт и где-то через час вернется с дозой, так? Тут его опера и примут. Фотки его я показал: он у меня в друзьях в «контакте».

Татьяна: А как они узнают, что Михалёв поехал за наркотой?

Гриша: Вот поэтому я вас и собрал. За ним нужно следить. Как только он намылится к барыге, надо сразу звонить оперу. *(Ищет в карманах.)*

Мария: У него теперь долго денег не будет.

Гриша: На такое дело я свои кровные пожертвую.

Татьяна: Не верится что-то.

Гриша: Я дам ему займы, и понеслась. *(Достаёт из кармана несколько листов бумаги. Протягивает один Татьяне.)* Держи.

Татьяна: Что это?

Гриша: Телефон опера.

Татьяна берёт листок. Гриша протягивает листок Марии. Она берёт.

Гриша *(протягивает листок Семёну):* Семёч.

Семён: Что? Мне?

Гриша: Тебе.

Семён: Ну, раз все согласны... *(Берёт листок.)*

Илья: Я в этом не участвую.

Гриша: Это почему?

Илья: А ты не понимаешь? Потому что это подлость.

Мария: Полегче, Илья.

Гриша: Та-ак. Подлость, стало быть. Стало быть, мы тут все кроме тебя подлецы? А не подлость в сторонке стоять, когда один упырь всей коммуналке жить не даёт?

Илья: Тебе не дашь.

Гриша: «Я не при делах. Я буду книжки читать, о боге рассуждать, а вы тут возитесь в поганом, только меня не забрызгайте!»

Илья: Не передёргивай.

Гриша: Ты тут полгода живёшь, зашёл и вышел. А мы с Машкой не полгода. Мы тут всю жизнь живём. Это наш дом.

Илья: Никто у тебя твой дом не отбирает. И не кричи на меня.

Татьяна: Илья, послушай. Михалёв болен. У него туберкулёз, а он не лечится.

Гриша: Мы из-за него в диспансере на учёте состоим как контактирующие.

Татьяна: Подожди, Гриша, я о другом. *(Илье)* Михалёву нужен уход. Процедуры, лекарства... А там за ним присмотрят.

Илья: Я, наверное, с ума схожу. Ты собираешься посадить человека в тюрьму и доказываешь, что милосердие?

Татьяна: Здесь он через несколько месяцев загнётся. С его-то образом жизни.

Илья: Он живёт, как хочет.

Гриша: Он живёт, как хочет, а мы должны заткнуться и терпеть. Вот такой расклад.

Илья: Ну нельзя этого делать, как вы не понимаете? Ведь это же человек. Развращенный, беспутный, но... Нельзя.

Мария: Гриша верно сказал: ты здесь недолго живешь. Ты не видел, что Михалёв раньше творил. Сейчас у него здоровья меньше, так он присмирел. А когда он водку пил... *(Грише)* Помнишь, как он все двери в квартире выломал?

Гриша: Я же потом ему замок и врезал.

Семён: Мне бы идти надо. Четыре адреса, а ещё в банк успеть...

Мария *(не обращая на него внимания):* Это он за Олесей гонялся, за сестрой своей. Она в их *(кивает на Семёна)* комнате раньше жила. Частенько с синяками ходила. Михалёв ей однажды два ребра сломал.

Гриша: А воровал он сколько? Постирал раз толстовку, повесил над газом сушиться. Прихожу – нету. Я сразу к нему – вот она, родимая. Молча забираю и ухожу. Он даже слова не сказал.

Татьяна: Он ведь и сидел за воровство, кажется?

Гриша: Года два оттоптал.

Илья (*после паузы*): Каким бы скотом он ни был...

Гриша: Тьфу! Хоть плюй в глаза!

Татьяна: Давайте обойдемся без Ильи? Нас четверо. Уследим как-нибудь.

Гриша: Ну уж нет! Мы по работам расходимся, а чистоплюй весь день дома.
(*Кладёт листок на стол и накрывает как пресс-папье телефоном Ильи.*)

Илья: Я ведь тоже могу уйти.

Гриша: И что, теперь все время будешь сливаться? Или с закрытыми глазами жить?

Илья (*устало*): Господи! Я только хочу не презирать себя.

Гриша: Жизнь – боль.

Илья: Этот заговор... он же не Михалёва изведёт, он нас погубит.

Мария (*Илье*): Чистую совесть хочешь. Но ведь ты уже знаешь о... заговоре. Будешь ты следить за Михалёвым или нет, не так важно. Ты всё равно с нами.

Илья: Я не с вами.

Гриша: Ты что, хочешь рассказать ему? А? Ты заложить хочешь?

Илья (*обводит взглядом соседей*): Семён, ну что ты все время молчишь?

Семён: Всё равно ничего уже не исправить.

Мария: Ты один, Илья.

Илья: Таня!

Татьяна (*отводит глаза*): Так надо.

Мария: Ты всех подводишь.

Гриша: Я спрашиваю, ты думаешь рассказать ему?

Илья (*не сразу*): Нет.

Гриша: Гляди!

Илья: А то что?

Гриша: То.

Мария: Гриша!

Заходит Михалёв. Смолкнув, все смотрят на него. Он проходит к раковине, чтобы набрать воды.

Михалёв (*делая вид, что не замечает взглядов соседей*): Здорово, Илюха.

Илья: Здравствуй.

Гриша: Чего не здороваешься, Митрич? Зазнался?

Михалёв: Привет.

Гриша: Как оно?

Михалёв: Как обычно.

Гриша: А мы тут кумекаем, что с бачком делать.

Михалёв: А-а! (*Пьёт воду.*)

Гриша: Решили новый брать.

Михалёв: У меня денег нет.

Гриша: Деньги не проблема. Я вложусь, а как будут, отдашь.

Михалёв (*осторожно*): Ладно. (*подумав*) Спасибо.

Гриша: Брось! Соседи как-никак.

Илья насмешливо фыркает. Сливают из кастрюли воду.

Михалёв: А я вчера это... поскользнулся. Меня иногда штормит от барбитуры. Врачи навывписывают, а что в этих таблетках...

Гриша: Да чего ты объясняешь! Со всеми бывает.

Мария: Конечно.

Семён (*поддакивает, конфузясь*): Ясное дело.

Михалёв (*Грише*): Надо же! Я думал, ты хай подынешь: обычно из-за каждой копейки грызня стоит. А ты вон как. Уважаю.

Гриша: А как иначе? Не чужие все-таки.

Илья: Мерзость!

Михалёв: Ты чё, Илюх?

Мария: Не обращай внимания: он сегодня на всех рычит.

Семён: Я пойду.

Гриша: Иди, Семьч.

Семён: До свиданья, Танюша. (*Уходит.*)

Гриша: Ипотеку дядька берёт.

Михалёв (*равнодушно*): А-а! (*Татьяне*) Рады, поди, из коммуналки выбраться?

Татьяна (*хмуро*): Безумно.

Мария: Конечно, рады. Заживут, наконец, как люди. Детей заведут.

Татьяна: Детей?

Гриша (*Михалёву*): Короче. Если сегодня купить бачок, вечером я его установлю.

Михалёв: Так покупай.

Гриша: Как я куплю? Мне сейчас на работу.

Мария (*поняв его план*): Мы все до вечера работаем.

Михалёв: А Илюха чё? (*Снова пьёт воду.*)

Мария: Может, чаю?

Гриша: Он сейчас спать завалится.

Илья: С чего ты взял?

Михалёв (*допив, Марию*): Чаю, говоришь?

Гриша: Всю ночь в интернете просидел.

Мария (*Михалёву*): Сейчас закипит.

Илья: Просиживают в уборной. Я в интернете работаю.

Мария: Вот и шел бы отдыхать. Устал ведь.

Илья: Ничего, погожу ещё.

Татьяна: Правда, Илья, зачем тебе это?

Илья: Ну как же? Маша ведь сказала: я с вами.

Михалёв (*Марии*): О чём он?

Илья: Вот мне и интересно, что дальше будет.

Гриша: Дальше ты уймешься...

Мария (*Михалёву*): О бачке. Он тоже вкладывается.

Гриша: ...и мы решим, кто пойдет в магазин.

Михалёв: Я могу сходить.

Гриша: Правда? Вот выручил бы.

Михалёв: Ну а чё мне? В десять хозмаг откроется, я и пойду. И очень просто.

Гриша: А мы тут головы ломаем! Сейчас я тебе деньги вынесу.

Илья (*Грише, негромко*): Каин! (*Михалёву*) Не бери этих денег.

Гриша: Закрой рот!

Михалёв: Погодь, Илюха.

Илья: Я сам всё куплю.

Михалёв: Слышь, чё! Не спрашивают – не всплясывай, понял? Пойдём, Гриня!

Гриша: Пошли.

Направляются в коридор.

Илья: Ты думаешь, они не знают, что будет с этими деньгами?
Татьяна: Не надо, Илья.
Михалёв (возвращаясь): А чё будет? Ты на чё намекаешь, гад?
Илья: Я хочу тебе помочь.
Михалёв: Хочешь помочь – хватай кастрюльку и шагай в камору.
Илья: Не бери денег.
Михалёв: Чё те надо, а? Чё ты суешься? Ты проблем хочешь? Я тебе устрою. Я тебя в больничку определю, понял?
Гриша: Накерни ему разок!
Татьяна (встаёт перед Ильей): Не смей!
Илья: Уйди, Таня.
Мария: Тань, ты чего? Это не надо. *(Берёт за руку.)* Иди сюда.
Татьяна (вырывает руку): Не позволю! Изверги, звери!
Михалёв (оторопев): Охолонись, мать.
Татьяна: Один из всех человек нашелся – и сразу «в больничку»! Я тебе дам «в больничку»!
Мария (про себя): Вон оно что!
Татьяна: Зверьё!
Илья (успокаивает Татьяну): Ну, всё, всё. Всё.
Михалёв: Ишь, расходилась, гусыня! Кто его трогал, твоего человека?
Гриша (громко): Хорош!
Татьяна (Михалёву): Еще бы ты его тронул!
Гриша: Хорош, я сказал!

Все смолкают.

Чудишь, Танюха.
Татьяна: Тебе что?
Гриша: Ну, так-то да. *(Илье)* Иди к себе, Ильич.
Мария: Иди от греха.
Илья (Михалёву): Я же для тебя...
Михалёв: А мне не надо!
Илья: Не надо?
Михалёв (Грише): Помочь, говорит, хочу. *(Илье)* А меня ты спросил? Я-то хочу, чтоб ты мне помогал?
Гриша (Илье): Понял? *(Михалёву)* Сейчас я вынесу.
Михалёв: Давай. *(Илье)* Себе помоги, благодетель.

Гриша уходит к себе. Некоторое время все молчат.

Ну чё затихли, как на похоронах? *(Марии)* Хоть тарихтелку включи.

Мария включает радиоточку. Звучит эмбиент: элегическая музыка с ослабленной мелодией, приправленная криками китов и проч. Михалёв выходит в коридор. Гриша возвращается, отдаёт Михалёву деньги.

Гриша: Я тебе три рубля дам. Должно хватить.
Михалёв: Хватит, конечно. Чек я принесу.
Гриша: Добро.

Мужчины обмениваются рукопожатием и расходятся по своим комнатам. Илья, наблюдавший вместе с остальными эту сцену, направляется к себе.

Мария (вслед Илье): Пельмени забыл.

Илья возвращается за кастрюлей и уходит в свою комнату.

Татьяна: Бедный.

Мария: Давно у тебя с ним?

Татьяна: Шутишь! (Уходит.)

Мария снимает с плиты чайник. Выходит Гриша в куртке и с сумкой.

Мария: Ты куда? А завтракать?

Гриша: Некогда. И так опоздаю из-за этой канители.

Мария: Подожди. Поговорить надо.

Гриша (укоризненно): Маша!

Мария: Это важно. (Выключает радио.)

Гриша: Ну что у тебя?

Мария: Мы с тобой как-то говорили о том... чтобы взять ребенка.

Гриша: Опять ты за старое! Договорились же...

Мария: Мы ни до чего не договорились. «Посмотрим, подождём, там видно будет»
Мы ждём и ждём, и ничего не видно.

Гриша: Вечером поговорим. (Хочет идти.)

Мария: Мне тридцать четыре года. Я не могу больше ждать. Чего мне ждать? Мне тридцать четыре, и я ни разу не была беременна.

Гриша: Это ничего не значит.

Мария: У меня нет времени обманывать себя.

Гриша: У меня его больше? (Кладёт сумку, обнимает жену; мягко) Маша, нельзя отчаиваться. Не одни мы такие. Вон у Барсуковых тоже не сразу... Это же годами может не получаться.

Мария: Что, если это никогда не получится?

Гриша: Не гони лебедей!

Мария: Каждый вечер, когда родители разбирают ребят по домам, я думаю о том, что я тоже могла бы...

Гриша: Так и будет.

Мария: И неважно, если не я его рожу.

Гриша: Так... (Берёт сумку, чтобы идти.)

Мария: Я ходила в детдом.

Гриша: Какого чёрта? Когда?

Мария: Я уже трижды была. Подожди, не перебивай, пожалуйста. Ты этого не знаешь, ты рос в семье. Все семь лет в детдоме я ждала. На уроках, на переменах, во сне – всё время только одно: «Кто-нибудь придёт. Кто-нибудь обязательно заберёт меня отсюда». Потом к этому привыкаешь и перестаёшь замечать, но ждать никогда не перестаёшь. За мной никто не пришёл, но теперь я... мы можем...

Гриша: Этого не будет.

Мария: Ну почему?

Гриша: Потому! Мы найдём причину, ты забеременеешь и родишь мне моих детей. Всё!

Мария: Там есть один мальчик, Антон. Он дал мне свои рисунки. Хочешь посмотреть?

Гриша уходит.

Какая странная жизнь. Совсем не так я представляла.

Уходит к себе. Едва хлопает дверь её комнаты, из своей выходит с пакетом майонеза Татьяна. Очевидно, она ждала, пока кухня останется пустой. Татьяна подходит к двери Ильи и стучит.

Илья (*открыв дверь*): Чего тебе?

Татьяна: Возьми майонезу к пельменям. Вкуснее будет.

Илья (*недоумённо*): Майонезу? (*Берёт пакет, хочет закрыть дверь.*)

Татьяна: Подожди, не закрывай. Ну что ты? Сердишься?

Илья: Я спать хочу.

Татьяна: Давай зайдём к тебе.

Илья: Нет.

Татьяна: Здесь неудобно говорить.

Илья: Что ты хочешь?

Татьяна целует его.

Илья (*отстраняет её*): Ты... Что ты делаешь?

Татьяна: А на что похоже? (*Пытается снова поцеловать.*)

Илья: Не надо этого, слышишь! Прекрати.

Татьяна: Почему? Испугался, что ли? Сам говорил, что в мире не хватает любви. Вот я и наверстываю.

Илья: Не паясничай.

Татьяна: Ой, какой грозный! Брови сдвинул.

Илья: Татьяна, иди к себе.

Татьяна: Улыбнёшься, тогда пойду. (*Оставив напускную игривость.*) Прогоняешь, значит? Так надо понимать?

Илья: Давай это будет неудачная шутка.

Татьяна: Я так не могу. Как это шутка? И все наши разговоры тоже шутка?

Илья: Я не говорил ничего, что дало бы тебе основания...

Татьяна: Ты, может, и шутил, а я тебе душу открыла.

Илья (*с тоской*): Да что же сегодня за день такой?

Татьяна: Илья, ну что не так? Чем я не такая? Скажи – я буду такая.

Илья: А ты не понимаешь?

Татьяна: Это из-за Михалёва, да?

Илья: При чем тут Михалёв... Я с братом несколько лет не разговаривал с тех пор, как он любовницу завёл.

Татьяна: Вон ты о чём.

Илья (*себе*): Так и не поговорили...

Татьяна: Значит, тебе религия не позволяет?

Илья (*Татьяне*): Я не участвую в адюльтерах.

Татьяна: Кто бы сомневался! Ты ведь у нас человек-принцип. Павлик Морозов. Правильно Гриша сказал: ты в сортир не сходишь, убеждениями не блеснув.

Илья: Поменьше слушай, что Гриша говорит.

Татьяна: Ну и лицемер же ты! Рассуждаешь о необходимости любви, а когда к тебе приходит женщина, хвастаешься принципами, которые запрещают тебе любить. Говоришь о терпимости, а сам отвергаешь брата, который осмелился поступить не по-твоему.

Илья: Не смей говорить о моем брате!

Татьяна: И всё-то оправдываешься, всё алиби ищешь. Слово боишься лишнее сказать: как бы чего не вышло! Не бойся, не сказал! Ничего, что дало бы мне основание. А мне вот не надо оснований! Я просто взяла и пришла.

Илья: Татьяна...

Татьяна: И жалею теперь. Ты не мужик, а какой-то... минтай.

С лестницы заходит Семён. В руках у него рекламные газетёнки, квитанции и проч. Ни Татьяна, ни Илья его не замечают.

Татьяна: Весь ты в этом: ускользнуть, спрятаться, чтобы ничего не решать, чтобы ни за что не отвечать, чтобы не дай Бог не оказаться в чем-нибудь виноватым. Чего ты так боишься, можешь сказать?

Семён: Танечка!

Татьяна (так же гневно): А ты что здесь делаешь?

Семён: Я справку забыл о доходах. Мне в банк...

Татьяна: Стой здесь, а то натопчешь! Сейчас принесу. (Забирает у Ильи майонез и уходит к себе.)

Семён (вдогонку): Она на тумбочке. (Глядя на свои башмаки) Правда, натоптал бы. На улице дождик. А я как Микоян, между струйками. Знаешь такой анекдот?

Илья (рассеянно): Что?

Семён: Анекдот такой про Микояна. (Кладёт почту на стол.) Он приходит, а сам сухой. А на улице дождик капает... Илюша, а из-за чего Таня развевалась?

Илья: Презирает за нерешительность. (Глядя на Семёна) Из-за Михалёва.

Семён: Ты на неё не сердись. Она сгоряча.

Илья: Ты её любишь?

Семён: Я? Люблю.

Илья: Зачем мы так живём?

Семён: Мне, Илюша, эта Гришина затея тоже не по душе. Но что же делать? Гадок паук, зато он мух ест.

Илья: Жуткие ты вещи говоришь, Семён.

Семён: Как есть, говорю: мы взрослые люди.

Илья: Вот это и страшно.

Заходит Мария в плаще. Видит почту, принесённую Семёном.

Мария: Откуда это?

Семён: Это я принёс, Машенька.

Мария подходит к столу, проглядывает корреспонденцию.

Семён (беспокойно): Опоздаю я в банк. Еще реагент новый закупили, я с ним не работал. Как разводить, не знаю. Он, говорят, лютый. Им лошадей травить можно, не то, что шестиногих.

Заходит Татьяна. Одета по-уличному.

А куда?..

Татьяна: На работу. (Подает Семёну справку.) Она?

Семён: Она. А тебе разве не к двенадцати?

Татьяна: Сегодня банкет большой... Да что ты пристал?

Мария откладывает почту.

Семён: Я ничего, Танюш. Я просто спросил.

Татьяна: Вот и не надо просто спрашивать.

Мария: Значит, Илья остается один с Михалёвым.

Татьяна (Илье): Знаешь, почему ты так со своими принципами носишься? Гордишься ими. Потому что больше нечем! *(Уходит в подъезд.)*

Семён (извиняясь): Она просто... *(Уходит. Из подъезда доносится) Танюша!*

Мария: Мы все на тебя надеемся, Илья.

Илья: На бога надейся.

Мария: До вечера.

Илья: Иди уже!

Включает радио, чтобы прекратить разговор. Чистые детские голоса поют о «прекрасном далёко». Мария уходит в подъезд. Освещение гаснет, погружая кухню в темноту. Звуки стихают. Виден только Илья, выхваченный из тьмы лучом прожектора.

Зачем я здесь? Как я сюда попал? Эта кухня, эти тараканы, люди, вечные сквозняки, смрад в уборной – неужели это и есть моя жизнь? Как странно... Я всё ждал, когда она начнется, а она, оказывается, давно началась и прошла наполовину. Вот она: вместо любви – интрижка, вместо подвига – подлость, вместо писательского труда – работа копирайтера. Как это вышло? Я хотел описывать движения человеческой души, а вместо этого описываю товары для интернет-магазинов. Хотел объехать мир, а вместо этого заперся в коммунальной квартире. Слоняюсь по кухне и ною, как какой-нибудь чеховский Иванов. Тот хоть застрелился... В детстве я почему-то был уверен в том, что я необыкновенный, не такой, как все, и жизнь у меня тоже будет необыкновенная. Я понятия не имел, что именно во мне особенное, но знал непреложно, что есть, и что меня за это будут как-то особенно любить. А ничего особенного не оказалось. Да и ничего не оказалось. Гриша прав: я такой же пошляк, как все. *(Пауза.)* Но неужели все так живут? Без света, без радости. *(Подумав.)* Не может быть. Нет, тут дело во мне. Я потерял что-то... *(запинается)* Даже не пойму, что. Я теперь ничего не понимаю. Честолюбие, бедность, недописанные повести, жена с её требованием детей, смерть брата, развод – всё мелькает в каком-то калейдоскопе, без связи, без смысла. Таня хочет уязвить меня, говоря о принципах. Так ведь я и в принципы свои не верю. Твержу, что Гришин заговор гнусен, а сам уже не знаю, почему... *(Пауза.)* А может, я всё придумываю? Может, я просто психопат? У меня на душе скверно от этой Гришиной пакости, вот и я завёл Лазаря. А чего ради, спрашивается? Михалёв взрослый человек, он себе дорогу сам выбрал. Ведь не сторож я ему, в конце концов... *(Испуганный догадкой)* Или это наказание?.. Но разве я виноват в том, что Сергей умер? Мы три года не разговаривали. Я знать не знал, что с ним происходит. Нет, это бред. Это бред... *(После небольшой паузы, твёрдо)* Меня никто не наказывал. Я пришёл сюда сам, потому что это место мне подходит. Эту кухню, этих тараканов, людей, вечные сквозняки – я подобрал свою жизнь по себе. Меня никто не наказывал... Никто и не простит.

Кухня вновь освещается, возвращая сцене бытовой вид. Возвращаются голоса детского хора: «Я клянусь, что стану чище и добрее, и в беде не брошу друга никогда...».

Заходит Михалёв. Он в брюках и в кожаной куртке.

Михалёв (подпевает хору): «Слышу голос и спешу на зов скорее по дороге, на которой...»

Илья выключает радио.

Илюх, ты на меня не сердчай. Закусились, с кем не бывает? Ты меня тоже клацнул – будь здоров.

Илья: Оставь меня.

Михалёв: Ну, полез в бутылку. (*Открывает кран, набирает воду.*) Ты сам виноват. Позоришь человека при всех. Кому понравится? (*Пьёт.*) Присушило меня... Не, братан, зря ты на меня грешишь. Я к тебе со всей душой. Ты единственный со мной по-человечьи в этом ужатнике. Думаешь, я не понимаю?

Илья: Удивительный ты человек, Дмитрий. Искалечить готов за копейку, и при этом себя другом считаешь.

Михалёв: Копейка всегда дело шкурное.

Илья (*устало*): Ладно, давай забудем.

Михалёв: Давай. А насчет дружбы... Я тебе в друзья не набиваюсь, не думай. Бывает, устану от здешней грызни, так охота с кем-нибудь поговорить по-человечески. Только и всего... Бывай. (*Направляется к выходу.*)

Илья: Дима!

Михалёв останавливается.

Не ходи. Не надо.

Михалёв идёт к выходу.

Ты ведь за героином пошёл.

Михалёв: Чё ты сказал?

Илья: Не бойся, мы одни.

Михалёв: Илюха, щас обратно поссоримся!

Илья: Сам сказал, что хочешь поговорить по душам. Так давай поговорим.

Михалёв (*не сразу*): О чём?

Илья: Зачем ты колешься?

Михалёв (*усмехнувшись неожиданному вопросу*): Зачем. За кайфом, зачем ещё? Так жить тошно, а ужалишься – оно вроде повеселее. Хотя...

Илья: Героином тоску не убьёшь. Себя убьёшь.

Михалёв: Может, оно бы и лучше было... Я тебе скажу, раз уж у нас такой душевный разговор пошёл: я хотел золотой укол поставить. Записку написал, будильник завёл, чтоб зазвонил, когда я откинусь. Не вышло. Это тоже умеючи надо делать.

Илья: Неужели у тебя никакой радости не осталось?

Михалёв (*пожав плечами*): Чай.

Илья: У тебя же сын есть.

Михалёв: Ромка-то? Я ему не нужен.

Илья: Откуда ты знаешь?

Михалёв: Чем такой отец...

Илья: Какой бы ни был.

Михалёв: Ты мне не рассказывай. У меня у самого папаша был – не дай Бог во сне увидеть. Прихожу раз домой (мне лет тринадцать было), там уркаган сидит: руки синие, зубов нет. «Я, – говорит, – родитель твой. Вместе будем жить» «А где ж вы были?» – спрашиваю. «А на курорте, – отвечает, – мигрень лечил. Я и о сынке позаботился. Тебе уж там и шконка греется» Я говорю: «Идите-ка вы, тятя, прямо с такой заботой!» Он мне как вломил – чуть бестолковка не лопнула.

Илья: Но ты ведь не такой.

Михалёв: А ты знаешь, какой я?

Илья: Я надеюсь.

Михалёв: Ты, Илюха, то ли блаженный, то ли просто дурачок. Хочешь, расскажу, как я боксом занимался? И очень просто: сначала у нас в ДЮСШ, а как до камэса добрался, меня кораблёвские приметили. В свой зал пригласили, понял? Совсем другой бокс пошёл.

Илья: Зачем же ты согласился?

Михалёв: А затем, что нас у матери двое было и зарплата – девяносто рублей. Папаша к тому времени обратно на курорт заехал. А на Кораблях мне сразу сотню положили (это за тренировки, за выезды – отдельно). Вот и согласился. Помню, с первых грошей торт купил, а мать его есть не стала: побрезгала. Потом-то, когда её сократили, за милую душу мой харч лопала.

Илья: Ты для семьи...

Михалёв: Потом я в армейку пошёл, а когда дембельнулся – демократия наступила. Работы стало невпроворот. Почитай все девяностые прошли в нервях да в синьке. Бабла было немерено. Однажды с выезда четыреста косарей принёс, понял? Это тогдашними! Неделю район качался... А теперь вот пятаки стреляю на курево. Сгубила меня отравка... *(Пауза.)* А ты говоришь: «Отец!» Приду я к Ромке – торчок пробитый, думаешь, он мне на шею кинется?

Илья: Может, и не кинется, раз не за что...

Михалёв: Я его пять лет не видел...

Илья: ...но всё равно это твой сын, и ты ему нужен.

Михалёв: ...не узнал бы даже, наверное.

Илья: Мы все живём ощупью, наугад. Мы совершаем поступки, не зная, к чему они приведут. Ты поступил так, потому что считал это правильным. Но ты изменился. Ты больше не бандит. И с героином можешь завязать.

Михалёв: Ну, поговорили и будет. *(Берёт свою чашку, забытую у мойки, сполоснув, относит на свой аккуратно прибранный стол, стоящий рядом с неряшливым столом Ильи.)*

Илья: А если бы тебе сейчас предложили в бандиты пойти?

Михалёв: Сейчас я старый, да и камеры в каждом дворе.

Илья: Я имею в виду: если бы можно было переиграть. Опять восьмидесятые, кораблёвские предлагают. Ты бы согласился?

Михалёв: Согласился бы. Не, работа мне нравилась. Только я бы синячил меньше. Мне бы те бабки вложить куда-нибудь, понял? Кто со мной в бригаде работал, теперь законные бизнесмены, на «Лексусах» ездят. Один даже в депутаты пролез. *(Замечает на столе Ильи телефонный аппарат.)* Илюх, ты тут мобилу не оставляй. Уведут, глазом не моргнёшь. Народ такой, что... Держи. *(Подает Илье телефон.)* Вот ещё номер какой-то. *(Выходит.)*

Илья остаётся один на кухне, держа в руках телефон и бумажку с номером оперуполномоченного.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же кухня. Дождливый вечер. Горит верхний свет – лампа без абажура. На плите ворчит сковороды, остывает кастрюля. Мария разговаривает по сотовому.

Мария: ...Опять ждать. Знаете, что? Скажите мне результат... Я могу продиктовать паспортные данные... Хорошо, я приду лично. До свидания.

Выходит из своей комнаты Татьяна.

Татьяна: Привет, Маш.

Мария: Выспалась?

Татьяна: Успнёшь тут. Все ходят, дверьми хлопают. Ещё афоня со своим бачком.

В клозете что-то падает.

Гриша (*из клозета*): Твою ж в Бога душу!

Татьяна: Во! (*зацепив взглядом плиту*) Жарёху колдуешь?

Мария: С грибами: Гриша любит.

Татьяна: (*нюхает содержимое кастрюли*) Ну и варево!

Мария: Ты сейчас идёшь куда-то?

Татьяна: Что? (*глянув на свои ноги, обутые в сапоги*) Да, иду. (*Садится на стул.*)

Мария: Купи соли, пожалуйста. (*Снимает сковороду с плиты.*)

Татьяна: Маш, не уходи. Посиди со мной. Он ещё час стучать будет.

Мария (*ставит сковороду*): Что ты? Случилось что-нибудь? (*Подходит к Татьяне. Та, сидя, обнимает её. Обе смотрят в «окно».*)

Татьяна: Тревожно мне отчего-то. Вместе не так давит, а когда одна – совсем худо.

Мария: Да, нехорошо в коммуналке.

Татьяна: И ты чувствуешь? Как будто что-то страшное произойдёт... У тебя тоже на сердце жёрнов лежит. Всё хмуришься, не улыбнешься никогда. Есть ведь что-то?

Мария: У каждого есть.

Татьяна (*помолчав*): Льёт и льёт. Не поймёшь, утро или вечер.

Мария: Осень.

Татьяна: Я иногда представляю, что дождь идёт много лет и давно затопил город. Улицы, парки, телебашня – всё накрыто километром воды. Там, наверху, может быть, есть солнце, но сюда свет не доходит. Всех эвакуировали, а мы почему-то остались. Сидим вот так на кухне, смотрим, как мимо окна проплывают осьминоги.

Мария: Стекло бы лопнуло.

Татьяна: И откуда-то известно, что если выйти на улицу, то станешь рыбой или дельфином, или кем хочешь и сможешь плыть куда угодно. Но мы не выходим, потому что боимся: а вдруг это неправда, и мы просто потонем?

Мария: Я бы вышла... (*Отходит от Татьяны поправить сковороду, смести несуществующие крошки и проч. Говорит, не глядя на Татьяну*) Хочешь, тоже тебе историю расскажу? Из жизни.

Татьяна: Расскажи.

Мария: До вас с Семёном в вашей комнате жила Олеся, Михалёва сестра. Пять лет прожила, потом забеременела, вышла замуж и съехала. Но время от времени заходила по старой памяти.

Татьяна: Я её помню: вы тут чай гоняли. (*Небольшая пауза.*) И что с ней?

Мария собирается отвечать, но с лестницы заходит вымокший под дождем Илья.

Привет.

Илья проходит к себе, ища на ходу ключи.

Мария (*Илье*): Трудно женщине «здравствуй» сказать?

Илья (*раздражённо*): Не трогай меня, ладно?.. Деньги я отдам, не переживай.

Мария: Какие деньги?

Илья: А то ты не знаешь.

Мария: Не знаю.

Илья: Три тысячи, которые твой муж дал Михалёву, чтобы посадить его в тюрьму.

Мария: Не кричи. Что с этими деньгами? Объясни толком.

Илья: Гриша требует их вернуть, потому что я не позвонил оперу.

Мария: Я об этом не знала.

Илья: Ну, значит, ты молодец. Человек высокой морали... *(Вставляет ключ в замок. Дверь отворяется: он была не заперта.)* А, чёрт! *(Заходит к себе.)*

Татьяна: Плохо ему.

Мария: Надо же, какой у меня муж хозяйственный. Сколько лет живу, а всё равно...

Молчат. За окном шумит дождь, гудят клаксоны машин. В клозете, ругая жизнь, копошится Гриша.

Татьяна: Так что там с Олесей?

Мария: А? Нет, ничего. *(Помолчав.)* Я не могу иметь детей.

Татьяна: Ты что говоришь-то?

Мария: Бесплодна.

Татьяна: Мать божья!.. Гриша знает?..

Отрицающий жест Марии.

Вот беда-то. А это точно?

Мария: Я много раз хотела сказать, но не могла решиться.

Татьяна: Когда-нибудь придётся.

Мария: В конце концов, я пошла в клинику и снова обследовалась.

Татьяна: Так это лечится?

Мария: А результаты попросила прислать письмом. Что бы там ни было, Гриша прочитает. Но письма всё нет!

Татьяна: Бедная! Ты как на плахе! *(Обнимает её.)*

Мария: Я больше не могу ждать.

Татьяна: Ты им позвони. Чего зря мучиться?

Мария: Они по телефону не говорят.

Татьяна: Ну, значит, сама сходи. Но как я испугалась, когда ты сказала, что ты не можешь родить!

Мария: Я не могу зачать.

Татьяна: Я подумала, это не лечится.

Мария: Так и есть.

Татьяна: А зачем тогда?

Мария *(смотрит на неё):* А вдруг?

Семён заходит с лестницы и останавливается на пороге.

Мария: Здравствуй, Сеня. *(Взяв с плиты сковороду, направляется к себе.)*

Татьяна *(Семёну, который молча стоит на пороге):* Ты пьяный, что ли?

Семён торжественно проходит к столу, вынимает ключи и кладёт перед Татьяной. Мария, остановившись в коридоре, наблюдает за ним.

Татьяна: Что это?

Семён: Это, Татьяна Сергеевна, ключи от Вашей новой квартиры!

Мария: Поздравляю.

Семён: Тридцать шесть аршин общей, двадцать два – комната! Балкон, санузел отдельный, солнечная сторона...

Татьяна: В санузле?

Семён: Нет, Танечка, вообще. Потолки, конечно, пониже, но это ничего. Будем вширь расти. *(Смеётся.)*

Гриша *(из клозета):* Марусь, что там с ужином?

Мария: Готово. *(Уходит к себе.)*

Семён: Танюш, а у нас с этим делом как? Я бы сейчас слона скушал.

Снимает куртку, ищет, куда положить. Татьяна берёт ведро и тряпку.

Семён: Батюшки, наследил-то!

Татьяна: Да положи ты её куда-нибудь. И вытри ноги, Христа ради. *(Подтирает натекишую с Семёновых кроссовок грязную воду.)*

Семён *(миролюбиво):* Извини, Танюша. *(Кладёт куртку на стол и отходит к входной двери - шаркать по половику.)* Подумать только: скоро я буду следить, где хочу. Буду ходить по квартире в одних трусах. В ванне мокнуть по три часа. Даже удивительно... От такой жизни и ты, Танюша, поболеешь. Не обижайся, пожалуйста, но ты немножко ругаться стала в последнее время. Ничего, что я сказал?

Татьяна: Ничего.

Семён *(переставляет стулья, помогая Татьяне):* Это всё от обстановки, от условий жизни. Трудно быть добрым, когда вокруг всякие... беспокойства.

Татьяна: Отойди.

Семён *(отходит, чтобы она могла протереть):* Я думаю, если бы условия были хорошие, то и люди были бы ласковые и к другим сердечные. У нас условия будут по высшему разряду. Заживём мы с тобой тихо, мирно, ладно, как в раю... К-куда! *(Давит таракана.)* Танюш, коньячком пахнет!

Татьяна: Что? Каким коньячком?

Семён: Как в анекдоте, помнишь? Пессимист ноет, что ему коньяк плохой. А оптимист клопа раздавил: «Коньячком пахнет!» Только я шестиногого.

Татьяна *(выжимает тряпку, моет руки):* Семён.

Семён: Да, что сегодня было-то! Я говорил, у нас на работе новую отраву закупили. И всё я никак пропорцию не поймаю. Вот сегодня прихожу на объект, начинаю разводить. А там у хозяина псина крутится. Я её отогнал, ясное дело, но ей же интересно...

Татьяна: Семён, послушай меня.

Семён: Слушаю, Танечка... Что же ты молчишь?

Татьяна: Ладно. Надо сразу рубить, правильно?

Семён: Я не знаю.

Татьяна: Я не поеду с тобой в эту квартиру.

Семён: Чего?

Татьяна: Я не буду жить с тобой в новой квартире.

Семён: А где ты будешь жить?

Татьяна: В другом месте. Какая разница?

Семён: Подожди...

Татьяна: Я ухожу от тебя, Семён.

Семён: Ты не можешь... Это... В такой день.

Татьяна: Я не знала, что так получится.

Гриша *(из клозета):* Едрить твою в качель!

Семён *(рассеянно):* Что это?

Татьяна: Гриша бачок починяет.

Семён: Ага... *(Опускается на стул.)* Знаешь, я все четыре года этого боялся. Так и представлял, как случилось, в точности. А всё равно как обухом по голове.

Татьяна: Не надо, Сеня. Не будем мучить друг друга.

Семён (*торопливо*): Не будем, конечно. Зачем мучить? Ни к чему совершенно...
(*Тяжело вздыхает.*) Ф-фух, я что-то... не понимаю ничего. (*Встаёт, ходит.*)

Татьяна: Я соберу вещи.

Семён (*останавливается*): Почему?

Татьяна: Разве неясно?

Семён: Жили же до сих пор. (*После паузы, тихо*): Не уходи.

Пауза. Татьяна хочет идти, но Семён шагает ей навстречу.

Ты не смеешь... из-за прихоти... я не признаю...

Татьяна (*тихо*): Это не прихоть.

Семён: ... семью рушить... Из-за чего? Чем тебе наша жизнь нехороша? Жильё есть, работа есть. Квартира своя будет. Чем плохо?

Татьяна: Я устала, Семён. Не спала после смены.

Семён: Не желаешь говорить... королева... не устаиваешь.словно я насекомое какое.

Татьяна: Пошёл оскорбляться.

Семён: Четыре года на цыпочках хожу. О том только и думаю, как тебя ублажить. Тебе ещё на ум не пришло, а я уже метнулся. Лишь бы не сердилась, лишь бы довольна была. А ты всё равно сквозь меня смотришь.

Татьяна (*сдерживая раздражение*): Так разойдёмся, раз тебе со мной житья нет.

Семён: Разойдёмся? И с чем я останусь? Вся моя жизнь в тебе.

Татьяна: Я этого не просила.

Семён: Я, думаешь, просил? Да я проклинал тебя тысячу раз. Богу молился, чтобы меня попустило. Чтоб хоть слюну сглотнуть, о тебе не думая... Не могу я без тебя, Таня.

Татьяна: Душный ты, Семён, – аж скулы сводит. Даже страдаешь нудно, как нищий на паперти.

Семён: Нудно?

Татьяна: Ну чего ты от меня добиваешься? Чтобы я виноватой себя чувствовала? Чтобы копеечку подала? Мне тебя не жалко. Ты меня четыре года своим нытьём насиловал. Взгляд твой собачий... Ух, терпеть не выношу!

Семён: Я не...

Татьяна: Молчи. Ты своё сказал. Я к тебе пришла, когда мне худо было. Ты мне помог. Спасибо. Но я своё отработала! Я четыре года тебе отдала. Тебе этого мало? Всю меня сожрать хочешь?... (*После паузы, тише*) Лаюсь, как халда базарная. Прости, Сёма.

Семён: Я не думал, что ты меня... так.

Татьяна: Я на жизнь свою досаую, оттого и лютую. Сама вижу, какая стала: сварливая, грубая, истёрханная, как вот эта тряпка. И зло меня берёт, и реветь охота. Я же другая была.

Семён: Я помню.

Татьяна: Стихи любила. Я Катарину играла в «Укрощении строптивой», в театре.

Семён: Я тебя там и увидел в первый раз.

Татьяна: Да?

Семён: Только в вашу школу перевёлся, а тут спектакль.

Татьяна: «Привет прекрасной, нежной, юной деве! Куда идешь ты? Где твоя обитель? Как счастливы родители, имея такое дивное дитя!»

Семён: Это из пьесы?

Татьяна: Куда всё делось?... Может, ты знаешь?

Семён: Я?

Татьяна: И как-то всё это незаметно, исподволь. Встречается в жизни какое-нибудь неудобье – камешек в туфле, думаешь: «Надо бы вытряхнуть». Да всё почему-нибудь... то одно, то другое. Сначала мешает, ходить неловко, а потом привыкаешь:

мозоль нарастает. Так и на душе... мозоли. Я вот к тебе на неделю пришла, а уже четыре года пролетело. Привыкла... Нет, Сёма, не поеду я в твою квартиру. Мне из неё не выбраться будет.

Семён: Как я, тебя никто любить не сможет.

Татьяна: Я знаю.

Семён: Пожалуйста.

Татьяна: Я тебя не люблю.

Из коридора входит Михалёв с сигаретой и полиэтиленовым пакетом.

Михалёв: Чё пригорюнились, соседуски? Гриня в нужник не пускает?
(*Заглядывает в кастрюлю, прикуривает от плиты.*)

Семён (безучастно): Я квартиру купил.

Михалёв: А-а! Так это вы празднуете?

Семён (Татьяне): Я не ел с утра. У нас есть что-нибудь?

Татьяна: В холодильнике.

Семён берёт куртку, сумку и уходит к себе.

Михалёв: Чё он такой пришибленный? Поцапались?.. Танюх!

Татьяна уходит в подъезд.

Михалёв: Поцапались. (*Стучит в дверь Ильи. Подождав, стучит снова. Дверь открывается.*) Третий раз захожу...

Илья: Чего тебе?

Михалёв (заботливо): Илюх, ты чё такой? На тебе лица нет. Заболел?

Илья: Зачем ты пришёл?

Михалёв: Поговорить.

Илья: Поговорить? (*Хочет затворить дверь.*)

Михалёв (придерживает её): У тебя всё нормально?.. Мож, чайку?

Илья (грубо): Оставь ты меня в покое.

Михалёв (растерянно): Ладно.

Илья (желая сгладить резкость): Поговори с кем-нибудь другим. (*Закрывает дверь.*)

Михалёв: Мне больше не с кем.

Отходит. Илья, очевидно, слышавший слова Михалёва, открывает дверь.

Самое это последнее дело, когда хочешь по душам, а не с кем. Вроде чё такого? А люди, бывает, в петлю лезут.

Илья: Ты... знаешь?

Михалёв: Что знаю?

Илья: Ничего. (*Выходит на кухню.*)

Михалёв: Я недолго. (*Гасит сигарету, разгоняет руками дым.*) Вот так. А то давай к тебе пойдём?

Илья: О чём ты хочешь поговорить?

Михалёв: Щас... (*Усмехается.*) Стесняюсь, гляди-ка... А ты говоришь: с кем-нибудь ещё! Грише я, что ли, расскажу? Он мне сразу в душу харкнет. С большим удовольствием.

Илья: Ну, давай уже.

Разговаривая с Ильей, Михалёв готовит чай: достает дурилаг, переливает чёрный отвар из кастрюли в ковш. Обмотав ладонь тряпкой и надев сверху пакет как рукавицу, отжимает заварку. «Чайная церемония» помогает ему преодолеть смущение.

Михалёв: В общем, высадил ты меня на колпак с этим разговором про Ромку. Я два дня мороковал.

Илья *(не дождавшись продолжения):* И что?

Михалёв: Видел его сегодня.

Илья: Сына? Где?

Михалёв: Мы даже поговорили... У школы. Я решил: Ленка – баба злобная, ещё спрячет его от меня. Дай, думаю, подожду у школы, где он учился, а там как Бог управит. Увижу Ромку – подойду, а нет – значит, не судьба, нечего и вспоминать. И очень просто.

Илья: Как ты его узнал? Пять лет не видел.

Михалёв: В том-то и дело, что не узнал! Я его выглядываю, шею тяну – не могу распознать: другие идут, а Ромки нет... И тут сбоку, тихо так: «Отец». Сам, понял?

Илья: А ты боялся.

Михалёв: Я и теперь... как будто датый маленько. Прошлись мы с ним до спорткомплекса (он в волейбол шпилит), потолковали чутка. Он на меня зла не держит за то, что я тогда слился. Простил. Вообще, он... добрый.

Илья: Повезло тебе.

Михалёв: Ещё как свезло! Кто я? Нарколыга, сиделец трёхкратный, ни образа во мне, ни подобия. А он не брезгает. Чтобы там взгляд косой или что – ни-ни. В гости зайти обещал, понял?

Илья *(усмехается):* Экая Достоевщина!

Михалёв *(несколько покоробленный):* Чё?

Илья: Ничего, я так.

Михалёв: Ты, Илюха, этого не поймёшь: у тебя жизнь гладкая.

Илья: Полагаешь?

Михалёв: А мне доброе слово не всякий день услышать приходится. Сам знаешь, как меня здесь трактуют.

Илья: А ты добрых слов ждал?

Михалёв: Очень. *(В ответ на усмешку Ильи.)* Это ты верно: не за что мне. Это верно. Но вишь, в чем дело: что я скот, это мне всегда подробно объяснят, с примерами.

Гриша *(из клозета):* Вот так, н-на!

Михалёв: А что я человек, кто научит? Ты только и выручал: нет, нет, да и напомнишь о свечечке.

Илья: О какой свечечке?

Михалёв: Которая в душе горит. *(Предлагает чай.)* Будешь?.. *(Илья отказывается, Михалёв наливает себе.)* Она у меня уже мигать начала, когда Ромка появился... Эх, слышал бы ты его! Так он это сказал про отца, что я... поверил ему. У него глаз чистый, он всё увидит. Да и увидел уже, конечно, в первый же взгляд увидел. Да в том-то и дело, что увидел, а всё-таки подошел! Выходит, не одна во мне гнусь клубится, есть что-то и кроме! Это ж совсем другая постанова получается, понял?

Илья: А чужие деньги на героин спускать – это вроде из прежней постановой, нет?

Михалёв: Эх, Илья! Я к тебе с радостью...

Илья: У меня сегодня свой праздник.

Михалёв: Стряслось чего?.. Скажи, легче станет.

Илья: Не станет.

Гриша *(из коридора):* Славно поработали – славно отдохнём!

Михалёв: Идет, хищник. Не даст поговорить.

Гриша *(заходит):* Ух ты, два веселых гуся! Общаетесь? *(Проходит к раковине, моет руки.)* Наверняка, что-нибудь душеспасительное обсасываете. Да, Ильич?

Илья направляется к себе.

Михалёв: Ты там закончил?

Гриша: А тебе сломать не терпится? Ну, иди пописай.

Михалёв: Ты прижми язык-то, слышь! Довякаешься.

Гриша: Да ты что?

Давят друг друга взглядами. Илья наблюдает, стоя у своей двери.

Михалёв: День сегодня чистый... поганить не хочется... *(Уходит в коридор.)*

Гриша: Съехал – так и говори. День у него! *(громче)* В баню, что ли, ходил?

Илья: Победил?

Гриша: Жизнь – боль. *(Вытирает руки.)* Это он тебе лучший друг товарища. Ты, небось, к нему теперь особую нежность испытываешь, к спасенному-то? Чего морщишься? Лучших чувств стесняться не надо. Ты ж спец по лучшим чувствам – должен знать. А Михалёва я все равно разъясню, ты не сомневайся. Не мытьем, так катаньем.

Илья: Как ты мне надоел! Как вы все мне надоели!

Гриша *(вешает полотенце):* Ну так ползи в свой чулан. Кто тебя держит? *(Заметив, что радиоприёмник включён, но молчит.)* Что за?.. *(Снимает его со стены.)*

Илья: Скажи мне, пожалуйста, как у тебя это получается? Любить себя, уважать, считать хорошим человеком. Ты же хороший человек?

Гриша: Нормальный.

Илья: Откуда у тебя эта сила? Ты груб, эгоистичен, ты устраиваешь подлости типа Михалёвской и не стесняешься требовать с меня деньги за то, что я отказываюсь эту подлость поддерживать. Меня ты презираешь за слабость, Михалёва – за наркоманию, Семёна – за то, что он подкаблучник. И при этом ты – нормальный человек, доволен собой и с хорошим аппетитом.

Гриша: Лихо ты вопросы задаешь. Но я тебе отвечу. Или ты просто обложить меня хотел?

Илья: Нет. Ответь.

Гриша: Во-первых, про деньги. Про те три рубля можешь забыть. Отдашь косарь за бачок – и будет с тебя.

Илья: А два дня назад за грудки хватал.

Гриша: Мне чужого не надо. Своё я возьму, а чужого не надо.

Илья: Принципиальный.

Гриша: Второе. Мне, как Сёмыч со своей бабой обходится, – что рыбе зонтик. Я его не презираю (и к жене его, кстати, клинья не бью).

Илья: Что?

Гриша: А вот тебя, святоша, я на дух не переносу. Это ты всех презираешь. Ты вообще не живешь, только грехи подсчитываешь, чтобы потом ими в харю ткнуть. «Глядите, какие вы гадкие, видите?» А сам ты, дескать, не такой, сам ты за правду страдаешь, да ещё и нас, грешных, забесплатно уму-разуму учить готов. *(От гнева сжимает в руках приёмник – тот хрустит. Чтобы не сломать аппарат, Гриша кладёт его на стол.)* Откуда сила, спрашиваешь? Я тебе скажу, откуда. *(Указывает на радио.)* Вот болтун сломался. Кто его починит? Ты, что ли? И стекло в форточке *(Указывает на «окно».)* тоже я заменил. Ты меня Михалёвым попрекаешь, а он сейчас мочится в сортире, который я отремонтировал!

Илья *(устало, как будто потеряв интерес к спору):* Я понял.

Гриша: Я в этой коммуналке жизнь поддерживаю.

Заходит Мария.

Илья (*так же*): Нехорошая это жизнь.

Гриша: Другой у нас нет.

Мария: Всё спорите.

Гриша берёт со стола радио, чтобы идти к себе, но идёт вместо этого к Илье.

Гриша: Так себе досталась, второй сорт. Но я стараюсь сделать её лучше. А ты только нос воротишь, потому что она пахнет дурно.

Илья (*так же*): Ничего ты не стараешься; просто обминаешь её по себе.

Гриша: А надо по тебе, конечно?

Илья: Господи, уйти бы от вас куда-нибудь.

Мария: Оставь его, Гриша.

Илья: Есть же, наверное, где-то другие люди.

Гриша: Почтище?

Мария: Гриша! Ты мне нужен.

Гриша: Нет, Исусик, других людей, все одинаковые. А ты их не любишь. (*Не даёт Илье уйти к себе.*) Нет уж, погоди съезжать, моя очередь спрашивать. Только честно, да?

Илья: Ну?

Гриша: У тебя есть родной человек? Близкий, вон как Машка мне?

Взрывается брошенное Марией на пол блюдо. Гриша вздрагивает. Для Ильи же звук бьющейся посуды слился с вопросом, подействовавшим на него как удар в челюсть.

Гриша (*Марии*): Ты что творишь?

Мария: Ты мне нужен... близкий человек.

Гриша (*подходя к ней*): Это ж от матери осталось...

Обессиленный Илья опускается на стул.

Мария: Прости.

Гриша: Вдребезги!

Мария: Я после ужина хотела, но я не могу... Ты сейчас будешь есть, говорить... Почту не приносили?

Гриша: Какую почту? Марья!

Мария: Сходи, пожалуйста.

Гриша: Да в чём дело-то?

Мария: Я объясню, только сначала сходи за почтой... Прошу тебя.

Гриша: Не бей больше ничего! (*Кладёт на стол радио, выходит. Из подъезда*) И дверь опять нараспашку! Кто последний входил?

Мария: Ты веришь в чудо?.. Илья!

Илья: Какое, к чёрту, чудо?

Мария (*убеждённо*): А я верю. Не может быть, чтобы он не слышал. Просто зачем-то нужно, чтобы всё было именно так. (*Не замечая насмешливого фырка Ильи*) Чтоб мы стали добрее, наверное: ведь кто сам не страдал – и чужую боль не поймёт и не будет добр... Когда-нибудь мы научимся. Мы перестанем браниться, мы будем беречь друг друга и, оглянувшись, не увидим вокруг ни злого, ни подлого – только несчастного. И мы поможем ему, и он устанет на нас растерянно, не зная, кого теперь ненавидеть. И вместе заплачем мы над нашей жизнью и над тем, что сотворили с собой. Души наши, омытые слезами, станут чисты, и дышать нам будет легко. Откроется нам тогда жизнь новая, жизнь светлая, в которой не будет ни вражды, ни обмана. Мы будем ласкать друг друга, будем доверять друг другу, а бояться не будем, зная, что всё простят нам, как мы

прощаем. Мы утешимся... когда-нибудь... А сейчас мы здесь, и у меня нет больше сил! (*спохватившись*) Но он видит, он видит. Он меня пожалеет.

Илья (*себе, тихо*): Сергея не пожалел.

Мария (*продолжая своё*): Надо только верить, надо надеяться. До самого конца.

Илья: А когда конец?

Мария: И тогда.

Илья: И он даст тебе чудо?

Мария: Да.

Илья: Не знаю, может быть, если ждешь чего-то... А если всё уже произошло? Тут на что надеяться?

Мария: Я не знаю. Я верю.

Илья: Сколько ни молись, второй попытки не будет.

Мария берёт веник, метёт. Осколки звенят по полу.

Тысячей способов можно было прожить. А я прожил так, и теперь уже ни пылинки не переложить. Какие тут надежды, если на каждом шагу аршинными буквами выбито: «Это было»? (*Марии*) Так что твоё положение ещё не самое скверное... Маша.

Мария: Илья, ты не обижайся, пожалуйста, но... уйди куда-нибудь. Не могу я с тобой говорить.

Илья: Понятно. (*Встаёт.*) Можно полюбопытствовать, почему?

Мария (*нехотя*): Ты ни во что не веришь.

Илья (*понимающе мычит*): М-м... Ты имеешь в виду: в Бога?

Мария: Ни во что... Ты источаешь неверие, как... радиацию. Всякая вера, любое убеждение отравляются ею, гниют, проваливаются в твоё черное ничто.

Илья: Прокажённый.

Мария: Хуже.

Илья: И ты прячешь от меня своё чудо, чтобы я на него ненароком не кашлянул.

Мария: Да.

Илья (*усмехается*): Очень по-христиански...

Мария вновь принимается мести.

А может, и надо так. (Задумывается.)

Задумывается и Мария, прекратив метенье. Молчат о своём.

Илья (*задумчиво*): Дождь перестал.

Мария (*так же*): Сейчас опять пойдёт.

Илья: Да. (*После паузы, вспомнив*) Да, лепра. Ты боишься не меня. Ты боишься, что не произойдет чуда.

Мария: Уйди, ради Бога.

Илья (*рассуждает сам с собой*): Как я могу отравить твою веру, если её источник в тебе? Нонсенс. Нет, настоящий враг находится внутри. Какая-то часть тебя восстает против твоей надежды. Совесть, может быть.

Мария: Что ты плетёшь?

Илья: А побори ты её, тоже не лучше: какое тогда тебе чудо, бессовестной?

Мария: Ты нарочно меня мучаешь?

Илья: Я пытаюсь тебя понять. (*Рассуждая, ходит.*) Чтобы рассчитывать на чудо, нужно верить (с этим у тебя всё в порядке) и соблюдать хотя бы две главные заповеди: возлюби бога своего и возлюби ближнего своего. И очень просто, как говорит Михалёв.

При имени Михалёва Мария поворачивается к Илье. Смотрят друг на друга.

Бога любить – дело нехитрое.

Мария (*не сразу*): Гриша на себя великий грех берёт, чтобы его дети Михалёвской скверны не видели.

Илья: А ты?

Мария: Чтобы они души свои детские сберегли.

Пауза. Илья, утратив интерес к Марии, ищет в своём шкафчике.

Мария: Ты же не знаешь, о чём я молюсь.

Илья: Это не важно.

Мария: Как это не важно? Я о детях молюсь. О жизни новой.

Илья: Зачем ему новая жизнь, если ты уродуешь эту?.. (*Достав из шкафчика рулон туалетной бумаги, поворачивается к Марии.*) Он не даст тебе детей.

Мария (*негромко*): Будь ты проклят!

Илья: И это не радиация. Это анализ.

Возвращается Михалёв с полторалитровой пластмассовой бутылкой.

Мария (*негромко*): Будь ты проклят!

Михалёв: Вы чё? (*Илье*) Тарелку раскокал?

Илья: Машины иллюзии.

Мария отходит к своему столу. Илья хочет идти в коридор.

Михалёв (*останавливает его*): Илюх, погодь. (*негромко*) Чё она на тебя кидается?

Илья: Потому что это больно.

Михалёв: А-а. Ну, не хочешь, не будем. (*Указывает на бутылку.*) Поможешь? (*Споласкивает тару.*) Чё у тебя стряслось-то? Ты говорил.

Илья: Я не говорил.

Михалёв: Сейчас скажи. (*Достаёт воронку, подаёт бутылку Илье. Пока тот держит, Михалёв переливает в неё чёрный напиток.*) Вот это я понимаю, чай! Нефть! Интересно, Ромка любит?

Илья: Я, пожалуй, расскажу о беседе с Машей. Мы говорили о том, что люди очень боятся признать себя плохими. А так как хорошими они быть не могут, они лгут себе.

Михалёв (*довольный тем, что чая оказалось ровно полтора литра*): В аккурат! (*Закручивает крышку.*) Любишь ты о таком поговорить.

Илья: Например, можно украсть у соседа деньги и продолжать считать себя его другом.

Михалёв: Чё? Какие деньги?

Илья (*смотрит на Михалёва*): Три тысячи. На столе лежали час назад.

Михалёв: Да ты чё, Илюха? Чтоб я у тебя!.. Ты поищи: мож, они упали куда...

Илья (*Марии*): Это я с Гришей хотел расплатиться.

Михалёв: Да я тебе, чем хочешь... Илюх... гадом буду...

Илья: Ну, извини, если ошибся. (*Уходит в клозет.*)

Михалёв (*вслед ему, растерянно*): Я не брал! (*Марии.*) Это не я. (*Бредёт к выходу.*)

Мария: Чай забыл.

Михалёв забирает бутылку и уходит к себе. Из своей комнаты выходит растерянный Семён. Войдя, останавливается, не зная, зачем пришёл.

Чего ты, Сень? (*Присмотревшись.*) Ты болен? А Таня где?

Семён: Ушла Таня.

Мария: Пойдём, я тебя уложу. Пойдём, пойдём. (*Уводит его.*)

Из подъезда заходит Гриша с почтой, читая на ходу распечатанное письмо.

Мария выходит из комнаты Семёна. Гриша спешно прячет письмо в шкафчик.

Нам есть что-нибудь?

Гриша: Нет.

Мария: Ну что ж... Я должна рассказать тебе...

Гриша: Не надо мне ничего рассказывать.

Мария: Ты же хотел знать.

Гриша: А теперь не хочу.

Мария: Я не понимаю.

Гриша: Я так устал от этих разговоров. Всю жизнь трещим, трещим. Чихнуть не можем, чтобы двадцать раз не обкашлять.

Мария: Гриша, я...

Гриша: А я прошу тебя!.. (*Упрашивает*) Я несу зарплату в дом, я не пью. Я делаю все, что должен делать мужик. Можно мне просто поужинать со своей женой и посидеть над приёмником?.. (*Пауза.*) Что у нас на ужин?

Мария: Картошка с грибами.

Гриша берёт радио, и они уходят, едва разминувшись с Ильёй. Он смотрит им вслед, заходит на кухню, моет руки.

Заходит Татьяна. Она вымокла под дождём.

Татьяна: Я полюбила тебя. (*Ждёт, пока он повернется.*) Я ушла от Семёна. (*Заметив его гримасу, сердито.*) Я не об этом хочу говорить! Это совсем не важно. Я хочу, чтобы ты понял: я полюбила тебя по-настоящему, как один раз в жизни любят. Я всегда знала, что у меня будет великая любовь, но даже представить не могла, что это окажешься ты. Мне нравились дерзкие, жёсткие. Один оказался таким жёстким, что я от него по снегу босиком убежала, и то рада была. Идти было некуда, я и позвонила Сёме. Думала, пару недель у него перебудую, пока жильё найду, да так и осталась... Есть такой кит, я в журнале читала: он кричит не на той частоте, на какой все. И никто его поэтому не слышит. Плавает он по океану сорок лет, и никогда, ни разу не слышал ответа. Наверное, он даже не знает, что есть ещё киты кроме него. Вот и я так же. Какая мне разница, один или другой, если они меня всё равно не слышат. Сёма хоть любит... Я всю жизнь мечтала: вот встречу мужчину, и он меня увидит, какая я есть, душу мою увидит. Подойдёт ко мне, возьмёт за руку и поведёт. И пойду за ним, куда угодно... И вот встретила. (*Подходит к Илье.*) Я, как тот кит, который впервые ответ услышал, понимаешь? То, что у тебя внутри...

Илья: А ты знаешь, что у меня внутри?

Татьяна: Знаю. (*Обнимает его, гладит по волосам.*) Желанный мой, радость моя заветная. Ты устал, ты измучился среди грубости и злобы. Но теперь я с тобой. Я укрою тебя от них, успокою тебя, и ты отдохнёшь.

Илья снимает с себя её руки.

Ну, почему?..

Илья (*отходит от неё*): Какая мне любовь?

Татьяна: Почему нет?

Илья: Потому что нечем.

Татьяна: Как это?.. Расскажи. Мне нужно знать.

Илья: Мой старший брат был женат на очень хорошей женщине. Когда он завёл любовницу, я перестал с ним разговаривать. Он звонил мне несколько раз, но я не брал трубку. *(помолчав)* Однажды он позвонил. Я как обычно не стал с ним говорить... а через несколько дней он повесился.

Татьяна: Почему?

Илья: Никто не знает... Почему я не ответил ему тогда? Может, он был бы жив.

Татьяна: А может, и нет.

Илья: Я так часто представляю этот разговор, что мне кажется, он действительно был. Я вспоминаю, как мы помирились, как встретились потом. На душе становится легко и хочется смеяться. И вдруг как кипятком ошпарит.

Татьяна: Это не твоя вина.

Илья: Он звал на помощь, а я его оттолкнул.

Татьяна: Ты не мог знать.

Илья: Разве отвечать нужно, только когда человек накинул петлю на шею?.. Завтра я буду старше, чем мой старший брат.

Татьяна: Ты же не собираешься...

Илья: С ума сошла?

Татьяна: Насколько он был старше?

Илья: На шесть лет.

Татьяна: Шесть лет мучений за один неотвеченный звонок. Ты искупил.

Илья *(усмехается):* Психотерапия для чайников. Думаешь, я этого не знаю? «Отпусти прошлое», «смотри вперёд». Я смотрю и ничего не вижу.

Татьяна: Я покажу. *(Подходит к нему.)* Ты не ответил тогда. Так ответь сейчас.

Илья: Мне нечего тебе дать.

Татьяна: А мне ничего не нужно кроме тебя. Как ты не понимаешь? Кит, который слышал другого – ведь он уже не может жить, как раньше. Дай же мне новую жизнь! *(На его усмешку.)* И мне, и себе! Ведь это лучше, чем похоронить себя на этой кухне! Я хочу быть с тобой. С твоими болями, страхами, сомнениями...

Илья: Хорош букет.

Татьяна: С твоей любовью.

Илья *(не сразу):* Думаешь, получится?

Татьяна: Да. *(твёрдо)* Но ты должен меня любить больше, чем его.

Илья: Что? Ты запрещаешь мне любить брата?

Татьяна: Я хочу, чтоб ты жил.

Илья: Будь добра, больше не говори о нём. *(Отходит.)*

Татьяна: Я люблю тебя.

Илья: Тогда прояви немного уважения к тому, что мне дорого.

Татьяна: Как странно... А я думала... *(Идёт к выходу.)*

Илья: Куда ты?

Она останавливается у двери. Смотрят друг на друга.

Татьяна: Неужели ты меня такпустишь?

Пауза. Татьяна выходит. Илья несколько мгновений стоит, потом шагает к двери, и в то же мгновение возвращается Татьяна. Смотрят друг на друга, потом Илья быстро подходит к ней. Поцелуй.

Я этого всю жизнь ждала... И ты тоже!

Илья: И я тоже.

Татьяна: Скажи!

Илья: Любимая!

Татьяна (*повеселев*): Пойдём гулять.

Илья: Льёт же!

Татьяна: Там тепло, как весной. (*Просит по-детски*) Ну, пойдём!

Илья (*смеётся*): Дурни великовозрастные.

Выходят. Из подъезда слышен их смех. Свет гаснет. Стихают звуки.

Михалёв (*в темноте*): Тишина.

Прожектор тусклым лучом высвечивает его фигуру. По мере того, как он говорит, луч становится всё ярче. Михалёв одет в светлое и причёсан, но рукав его рубашки закатан, плечо перетянута резинкой. Возникает печальная мелодия, под которую в первом акте он получал от Гриши деньги. Во время речи Михалёва и пантомимы характер музыки меняется в соответствии с происходящим на сцене.

Она на кончике иглы. На самом её кончике. Где теснятся ангелы. (*Стягивает с руки резинку.*) Шприц загоняет в меня героин и всё, что за этим последует. Но первой заходит тишина. (*Закрыв глаза, откидывается на руки Неких – людей, одетых в черное. Михалёв расслаблен. Его тело слегка покачивается, как водоросли в воде.*) Однажды ангелы позвали меня. В прекрасное далёко. Я пошёл. Они дали мне... освещать... (*Некие забирают резинку и вкладывают в руки Михалёва свечу и зажигалку.*) ...но сначала было не надо. (*Некие приподнимают Михалёва навстречу лучу прожектора.*) Дни, месяцы были, как большие комнаты. Светлые. Просторные. До потолка не допрыгнуть. (*Открывает глаза.*) Потом я рос... или что-то с комнатами: они стали длиннее. И ниже. И света стало меньше. (*Некие опускают его, и тут же гаснет прожектор. Михалёв зажигает свечу. Он один.*) Я заметил свечу, но было не до неё. (*Сзади кто-то или что-то проходит. Михалёв испуганно поворачивается.*) Становилось не по себе... (*Перед ним проходит Некий. Михалёв хочет его остановить, но тот проходит мимо, скрываясь во тьме.*) Комнаты стали коридор: слиплись. Или это одна вытянулась бесконечно вперёд и назад. Темно и сыро. В полный рост не встать. Свечи осталось мало: горела, когда был день. А я не видел... А когда погаснет? Тогда что?

Снова проходит Некий. Михалёв пытается его остановить. Тот не хочет – Михалёв грубо хватает его. Сразу вокруг вырастают ещё несколько Неких. Мгновенье неподвижности, и Михалёв выставляет локоть, защищая свечу, а другой рукой отталкивает Некого. И сразу же Некие бросаются отбирать у Михалёва свечу. Одни цепляются за Михалёва, другие тянут к себе огонёк... Михалёв потерял свечу и рвётся к ней. Выбирается из рук одних Неких и тут же попадает к другим. Рвётся дальше и снова увязает в Неких. В борьбе с него постепенно срывается, стягивается одежда, и он остаётся в одних солдатских трусах... Один из Неких подносит колпачок для тушения свечей к огоньку. Михалёв испуган. Он уже не настаивает на том, чтобы свечу вернули ему. Он молит не гасить её. Опускается на колени. Некий гасит свечу... Потеряв к Михалёву интерес, Некие поднимают его на ноги и расходятся. Огарок и резинка, которой он перетягивал вену, оказываются у него. Он тупо переводит взгляд с одного предмета на другой. Музыка успокаивается. Повернувшись за последним из Неких, Михалёв роняет огарок: он плохо контролирует свое тело.

Сцена освещается. Возвращается кухня, бытовые звуки. Михалёв – только что «проставившийся» наркоман, пошатываясь и дёргаясь, топчется у стола и щёлкает по нему резинкой: один конец зажат в кулаке, другой оттягивается и отпускается, чтобы

ударить по таракану, бегущему по столу. Михалёв в трусах, волосы растрепаны. Он тяжело дышит и издает надрывные звуки: не то мычит, не то стонет.

Из подъезда заходит **Рома**.

Рома: Отец!

Михалёв (увидев сына): А я тут стасиков постреливаю.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же кухня. Следующее утро. Михалёв сидит на стуле со старым механическим будильником в руках. Капли воды из плохо закрытого крана бьют по дну металлической мойки. Посмотрев на кран, Михалёв не встаёт, чтобы закрыть.

Илья (из подъезда, отпирая замок): «Слышу голос, и манящая дорога...» (Заходит, напевая.): «...кружит голову, как в детстве карусель»... (Увидев Михалёва, смущается.) Привет... Ты что тут? Чай варишь? (Взгляд на пустую плиту.)

Михалёв: У тебя есть плоскогубцы?

Илья: Плоскогубцы?

Михалёв (показывает будильник): Ручка слетела. Подцепить чем-то.

Илья: У меня нет. У Гриши... А у Семёна спрашивал?

Михалёв: Он в душе... Всю ночь синячил.

Илья: Да? (Пауза.) Слушай, прости меня за вчерашнее. Ну, за подозрения. Я был неправ.

Михалёв (глядя на Илью): Ты меня больше не подозреваешь?

Илья: Давай забудем.

Михалёв: А кого ты подозреваешь?.. (Небольшая пауза.) Ладно. Забудем так забудем... Ромка вчера заходил.

Илья: Да что ты?

Михалёв: Да. Пришел в гости, как обещал. Отца навестить, понял? А отец уштопанный по самое не балуй.

Илья (сочувственно): Вот чёрт!

Михалёв: И очень просто. (Небольшая пауза.) Просрал жизнь.

Илья: Ну ладно тебе. Он поймёт.

Михалёв: Я сегодня ночью, когда отпустило, пытался вспомнить, о чём мечтал, когда был пацаном. И не смог. Как будто я всегда на этой кухне сидел, и ничего другого не было. Молодость, жена, сын – как во сне.

Илья: Тебе сейчас всё видится в дурном свете.

Михалёв: Я, знаешь, чего боюсь? Что, если там – такая же кухня? А?

Илья: Где «там»?

Михалёв: Попросишь у Гриши плоскогубцы?

Илья: Он не даст.

Уходит в коридор. Слышно, как он стучит в гришину дверь.

Илья (из коридора): Привет. Привет, Маша.

Гриша (из коридора): Что надо?

Илья (из коридора): Дай плоскогубцы, пожалуйста... Ну дай, что ли.

Гриша (из коридора): Щас.

Михалёв подходит к мойке и затягивает кран.

Илья (*вернувшись*): Сейчас вынесет.

Михалёв: Спасибо.

Илья (*не зная, что сказать*): Ладно. (*Уходит к себе.*)

Трезвеющий Семён проходит из ванной.

Семён (*увидев Михалёва*): Кто пришёл?

Михалёв: Илья. (*Идёт к стулу, на котором сидел.*)

Семён выходит на кухню.

Семён (*глядя в «окно»*): Утро... Потом будет день... зачем-то...

Входит хмурый Гриша с плоскогубцами и сигаретой.

Гриша (*Семёну*): Всё бродишь. (*Закуривает.*)

Семён (*оглянувшись, равнодушно*): А, Гриша... (*Отворачивается к окну.*)

Михалёв (*Грише*): Это мне плоскогубцы.

Гриша (*затягивается, рассматривая Михалёва*): А почему ко мне пришёл Илья?

Михалёв: Я думал, что ты не дашь.

Гриша (*опять не сразу*): На. (*Наблюдает, как Михалёв заводит будильник.*)

Семён (*себе*): Если я проживу ещё тридцать лет, будет ещё десять тысяч утр.

Гриша (*Михалёву*): А на телефоне будильник поставить никак?

Михалёв: Сломался телефон.

Семён (*себе*): Десять тысяч ненужных дней.

Гриша (*Михалёву, который остановив работу, смотрит на Гришу*): Что?

Михалёв (*Грише*): Дай дёрнуть.

Гриша: На.

Семён (*бесцельно проходит по кухне*): Гриша, зачем ты живёшь?

Гриша: Ложись спать, Сёмыч.

Семён (*Михалёву*): А ты?

Михалёв: Что?

Семён: Зачем живёшь?

Михалёв: Низачем.

Гриша: Для красоты.

Михалёв усмехается. За ним смеются Гриша и Семён.

Михалёв (*протягивает окурок Грише*): Держи.

Гриша: Допинывай.

Михалёв: Брезгаешь?

Гриша: У тебя туберкулёз.

Михалёв: Да, у меня туберкулёз. (*Погасив сигарету, встаёт.*)

Заходит Илья в тапках, с бритвенными принадлежностями.

Михалёв (*возвращая Грише инструмент*): Спасибо. (*Уходит.*)

Илья: Что-то было с этими плоскогубцами, да?

Гриша (*поворачивается к нему*): Что было?

Илья: Какая-то история нехорошая. Не ты рассказывал?

Гриша: Нет.

Илья проходит к мойке и готовится к бритью.

Семён (Илье): Со мной нехорошая история приключилась.

Илья: Да?

Гриша достаёт из кармана сигарету, закуривает.

Семён: Ты знаешь, что мы с Татьяной расходимся?

Илья: Знаю.

Семён: Знаешь, почему?

Илья: Почему?

Семён: Потому что она меня не любит. Потому что другого любит.

Илья (начинает бритьё): А другой?

Семён: Что «другой»?

Илья: Другой её любит?

Семён: Не знаю. Неважно. Главное, что она не любит меня. А я её люблю. Ты понимаешь?

Илья: Что тут не понять?

Семён: Это ты – «другой».

Илья (замирает на мгновенье): Я. *(Продолжает бритьё.)*

Семён: Я скучный тип, я это знаю. Ни красоты, ни талантов, ни денег каких-нибудь грандиозных. Таких обычно не замечают. Да я и не претендую. Но ведь я тоже человек, а? Как думаешь?.. Я знаю, что она меня не любила. Но всё равно у меня был дом, семья была. А ты меня обобрал.

Илья: Прекращай.

Семён: Неинтересно?

Илья: Это жизнь.

Семён (морщится): Ты, Илюша, мне за жизнь не надо. Я за жизнь знаю. Я вот, зачем теперь жить, не знаю. Может, ты скажешь?.. Молчишь. А за жизнь я знаю... А ты не боишься, а? Вот я тебя, скажем, зарежу. Ножницами какими-нибудь, а?

Илья: Никого ты не зарежешь. *(Выключает воду, закончив бритьё):* Я не хотел тебе зла. Так получилось.

Семён: А всегда так получается, Илюша. Никто сам не хочет.

Входит Мария. В руках у неё блистер с таблетками и стакан.

Мария: Как ты, Сеня?

Илья (уходит к себе): Ножницы, плоскогубцы. Слесарная мастерская, а не кухня.

Мария (Семёну): Надо терпеть.

Семён (досадливо машет рукой): А-а... Для чего надо?

Гриша (Марии): Он сегодня смысл жизни ищет. Потерял.

Семён: Вот я весь век свой терплю, и что? Кому-нибудь от этого лучше стало?

Гриша (без насмешки): Илье.

Мария: Гриша!

Семён (Марии): Ну, ладно, пусть я терпила. Доля мне такая вышла – терпеть, ладно. Но ты хоть скажи мне, зачем? Это-то я имею право знать? Или даже спросить не можно? Терпи, Семён, молча, пока силы есть, а потом, так же молча, помри, чтобы никого не побеспокоить.

Гриша: Ну, что ты на неё насел? Что она тебе, господь Бог, что ли?

Мария (Семёну): Все, Сеня, терпят. Каждый своё. Терпи и ты.

Семён (устало): Сдохнуть бы.

Мария: Ты спал ночью?.. Выпей чаю сладкого и ложись. (*Уговаривает, как ребенка.*) Давай, Сеня. А как проснешься, мы с тобой обо всем поговорим. Сейчас ты устал, всё кажется безнадёжным, а после сна голова будет ясная, лёгкая, и всё прояснится. Да? Поспишь?.. Вот и славно. (*Набирает воды*) Я тоже сегодня почти не спала. Под утро задремала... (*Запивает таблетку.*)

Семён (*заинтересовавшись*): Это снотворное?

Мария: Аспирин.

Семён (*задумчиво*): Снотворное хорошая штука. Выпил и уснул... И терпеть не нужно.

Мария: Ложись, Сеня.

Семён: Даже удивительно, какая хорошая. (*Уходит.*)

Гриша: При бабе жил – и слов таких не знал. А ушла Танька, сразу давай смысл жизни искать.

Мария: Несчастье у человека.

Гриша: Да понятно, что несчастье. О том и речь... И Илья такой же рахит. И остальные. Им не смысл нужен, а чтоб не болело.

Мария: Это всем нужно. (*Пауза.*) Я прошла обследование две недели назад. Проверилась на способность зачать.

Гриша (*не глядя на неё*): И что сказали?

Мария: Сейчас пойду за ответом.

Гриша: Ты из-за этого тарелку разбила?

Мария: Странно: я думала, что скажу много, а вышло всего несколько слов... Ты злишься?

Гриша: Нет.

Мария: Хорошо. Тут не из чего злиться... По крайней мере, мы будем знать, что нам делать. Не нужно будет ждать... Пойдёшь со мной?

Гриша: Маша...

Мария: Ладно, я сама... А вдруг, сбудется, а? Вдруг я приду, а мне скажут: «Рожайте!» Представляешь?

Гриша: Не скажут. (*Достаёт письмо, кладёт на стол.*)

Мария: Вчера пришло?

Гриша: Да.

Мария: Я знала. (*Пауза.*) Ты со мной разведёшься?

Гриша: Не гони лебедей!

Мария: От ведь как вышло! Ничего мне в жизни не нужно было: ни красоты, ни денег, ни мужиков. Хотела только семью завести да детей родить. Только и всего. И этого-то у меня и не будет. (*Быстро подходит к столу, читает письмо, кладёт.*) На чудо надеялась, дура! (*Грише*) А чего ты письмо-то спрятал? Очень испугался, да?

Гриша: Хорош, Марья!

Мария: Испуга-ался. Теперь тебе решать придётся, с бесплодной жить или новую жену искать.

Гриша: Хорош, сказал!

Мария: Или ты уже решил? Мой практичный муженёк.

Гриша: Я не собираюсь с тобой разводиться. Довольна?

Татьяна (*входит с лестницы*): Привет.

Мария: Здравствуй, Таня.

Татьяна: Семён дома?

Гриша: Все дома.

Татьяна: Хорошо. (*Хочет идти.*)

Мария: Ты стала дельфином?

Татьяна: Да.

Мария (*показывая письмо*): А я не стала.

Татьяна подходит к ней, обнимает. Выходит Семён. Татьяна не видит его.

Мария (плачет): Не будет... ничего не будет...

Татьяна (гладит её по голове): Всё будет... всё как-нибудь будет... как-нибудь выйдет... Сейчас плохо, а потом будет хорошо. Сейчас тяжело, а будет легко. Радостно будет, надо только подождать. Потерпеть ещё.

Мария (перестав плакать): Извини. (*Отходит. Гриша касается жены, но она отходит и от него.*)

Татьяна: Надо надеяться, Маша, иначе нельзя жить. Надо через силу верить, что счастье будет. Пусть не такое, как мечталось, пусть не сейчас, но обязательно будет.

Мария (махнув рукой, как давеча Семён): Слова.

Татьяна: Возьми меня: я совсем было отчаялась, а вот случилось же.

Семён (Татьяне): Счастьем пришла хвалиться?

Татьяна: Я за вещами пришла, Сёма.

Семён: Бесстыжая!

Гриша (Семёну): Сходи куда-нибудь, пока она соберётся. Чего себя истязать?

Семён: Я на счастливого человека посмотреть хочу. Не часто доводится.

Мария: Счастливые не любят, когда на них несчастные смотрят.

Татьяна: Вы как будто осуждаете меня за то, что я счастлива.

Гриша: А чего ты тут разоряешься? Удалось тебе, ну и радуйся. Собирай репела и двигай в свою новую жизнь козликом скакать. А нас учить нечего.

Татьяна: Я...

Гриша: Какое у Машки счастье, если она родить не может?

Семён: И не говори, Гришенька. Всего-то заслуг, что к любовнику сбежала, а туда же – проповеди читать.

Мария: Это у них семейное.

Татьяна: Я такая же, как вы. Несбывшиеся надежды, одиночество, отчаяние оттого, что жизнь проходит впустую, – я всё это знаю. Это всё про меня. Я такая же... А вы смотрите на меня как на врага за то, что мне посчастливилось.

Семён (Марии): Я же её и пожалеть должен.

Мария (не то всерьёз, не то в насмешку): А что? Взял бы да благословил.

Татьяна: Вы отобрали бы у меня счастье, если б могли.

Гриша: Кому ты нужна?

Татьяна: Заперли бы на этой кухне, чтоб гнила с вами.

Мария (усмехнувшись): Прокажённые.

Татьяна: Но так не будет. Я соберу вещи и уйду. Я буду жить чистой, светлой жизнью, буду читать стихи. Я стану изящная, как лебедь. А вас я забуду... (*Не видит, как входит Илья.*) ...потому что вас нет. И не было никогда. Вся эта коммуналка – дурной сон, жуткий, раздражающий нервы морок, в который я втянулась из какого-то нечистого любопытства. Я проснулась, и я ухожу. (*Наливается гневом.*) Но если кто-нибудь, не приведи вас Бог... хоть на версту подойдёт к нему... Я вас... Я убью, если придётся...

Илья: Таня!

Татьяна оборачивается. Разом успокоившись, любит её им.

Ты чего буянишь?

Татьяна: За счастье воюю.

Илья: Пойдём отсюда, воительница.

Татьяна: А вещи?

Илья: Потом заберём, когда никого не будет.

Семён: Я замок сменю.

Татьяна (*Илье*): Пошли.

Илья (*Татьяне, обувая туфли на пороге своей комнаты*): Я сам поработать думал, но как зашёл... Эта квартира – какая-то клоака страданий. Едва попадаешь сюда, тебя обволакивает больная атмосфера бездоля. Все несчастны и оттого злы. Все жалят друг друга, надеясь облегчить свою боль, но только делают хуже. Счастливого человека здесь неуместно, неприлично. (*Не запирая дверь, подходит к Татьяне.*)

Гриша (*насмешливо*): Как на театре!

Татьяна: Идём.

Илья (*Семёну*): Ты давеча сказал: мы взрослые люди. Помнишь, гришин план обсуждали?

Семён: И что?

Илья: Когда я был ребёнком, мне казалось, что я связан со всем миром, и для того, чтобы мне было хорошо, нужно, чтобы везде и всем было хорошо. Мне хотелось, как в книжке: «Счастья, для всех, даром, и чтоб никто не ушёл обиженный!» Если кому-нибудь бывало плохо, плохо становилось мне самому, и я бросался устраивать, помогать, улаживать... Но ты прав, Семён: пора взрослеть. Мир не вертится вокруг меня. Люди и обстоятельства не зависят от меня. Каждый катится по своей колее, проложенной в своём тоннеле, к какому-то своему свету. А я качусь к своему. Я никак с ними не связан. Счастливы они или нет, корчатся в муках или блаженствуют, умирают или... – я ничем не могу помочь им, только посочувствовать, если им плохо, или порадоваться за них...

Гриша: Удобно.

Илья (*ему*): Твоя жизнь происходит с тобой, мне в неё не влезть. Как бы я ни страдал, я не смогу прострадать за тебя твоё горе. Даже если я хочу.

Мария: А ты хочешь?

Илья: Зла я вам не желаю... (*Семёну, на его насмешливый фырк.*) Мне не за что винить себя.

Мария: Да будь ты счастлив. Что ты всё разрешения выпрашиваешь?

Илья (*смеётся*): Верно, выпрашиваю. (*Глядя на плоскогубцы, что крутит в руках Гриша.*) Тридцать лет я считал, что быть нравственным – значит быть несчастным. Что спокойствие – душевная подлость, а за дверью каждого счастливого должен стоять кто-нибудь с молоточком, чтобы напоминать о несчастных. Я запрещал себе жить и называл это нравственностью. Как удивительно я провел половину жизни... (*Резко смолкает.*)

Татьяна: Что ты?

Гриша: Говорю: театр!

Илья: Это не плоскогубцы. Это будильник.

Из комнаты Михалёва кричит будильник. Илья идет к Михалёву. Татьяна – за ним.

Гриша: Что за?

Все уходят за Ильёй. Сцена погружается во тьму. По авансцене Некие проводят Михалёва. Звучат музыка, под которую он получал деньги.

Кухня вновь освещается. Столы сдвинуты в центр. Мария накрывает. Семён моет пол на авансцене, пятясь от комнаты Ильи к входной двери.

Мария (*кричит*): Гриша, поставишь чайник?

Гриша (*заходя из коридора с двумя стульями*): Поставлю.

Мария (*указывая на бутылки, стоящие на столе*): Не много взяли?

Гриша: Литр на пятерых? И поговорить не хватит.

Семён: Я ещё бутылочку припас.

Гриша: Вы, Семён Максимыч, не отвлекайтесь. Работайте тряпкой.

Семён: А я уже закончил... (*отжимает тряпку*) Григорий Иванович.

Мария: Молодец, Сеня.

Гриша: Молодец! Своя хата пустая стоит, а он в коммуналке полы моет, да ещё в чужое дежурство. *(Составляет стулья к столу.)*

Мария (Грише): Принеси ещё один. Вдруг кто придёт?

Гриша: Кто?

Семён берёт ведро и, разворачиваясь, наталкивается на входящих Татьяну и Илью. Вода обливает ноги Татьяны.

Татьяна: Ты специально?

Семён: Что ты, Танечка? Я не видел. Я сейчас... *(Порывается чистить её, но Татьяна не позволяет.)*

Гриша: Одно слово – Сёмыч!

Татьяна: Туфли новые...

Мария (Татьяне): Пойдём, я тебе переодеться дам. *(Уводит Татьяну к себе.)*

Татьяна (на ходу): Вот не хотела же идти, а! Как чуяла...

Илья (в ответ на взгляд Семёна): Здравствуй, Семён.

Семён (приняв насмешливый тон): Здравствуй, Илюша. Почеломкаемся?

Илья проходит к столу, вынимает закуски из пакета, с которым пришёл.

Гриша: Танюха на работе подрезала? *(Берёт с тарелки кусок сыра.)*

Илья: У них сегодня свадьбу играли.

Семён ставит ведро под мойку и идёт к себе.

Гриша (Семёну): А вылить не надо?

Илья (Грише): Оставь.

Гриша (помолчав, без насмешки): Ну, как новая жизнь? Приплясываете?

Илья: Живём. А вы?

Гриша: Мы не приплясываем.

Мария (заходя, Татьяне): К нам новая воспитательница пришла в группу трёхлеток. Знаешь, как зовут? Вирджиния Флорентиновна.

Татьяна (смеётся, заходя): Что? *(Илье)* Ты слышал?

Илья: Бедные дети.

Гриша (Марии): Мне ты не рассказывала.

Заходит Семён. Он в костюме, в руках стул и бутылка водки.

Ого! Сёмыч, ты отсюда к английской королеве на чай?

Семён: В некотором роде, Гришенька, в некотором роде. Прими. *(Отдаёт водку.)*

Мария: Тебе идёт, Сеня. *(Поправляет воротник его рубашки.)*

Семён (Татьяне): В последний раз видимся. Хочу, чтобы ты меня таким запомнила.

Татьяна: Я запомню, что ты мне туфли испортил.

Гриша: Жизнь – боль, Сёмыч... Так, садимся.

Мария: Погоди.

Гриша: Чего годить? *(Садится.)*

Мария: Ещё не все пришли.

Гриша: А кто должен?

Мария: Я пригласила Рому.

Гриша: Сына? Он не придёт.

Мария: Откуда ты знаешь?

Гриша: Тут и знать нечего. Сёмыч, почему флакон открытый?

Семён: Пробу снимал. *(Следит за тем, как Гриша разливает.)*

Гриша: Пробу... Пробу за столом снимать надо. Иначе это алкоголизм.

Татьяна *(в ответ на взгляд Марии):* Он не придёт, Маша.

Семён: Ясное дело. *(Садится.)*

Мария: Вам так не терпится выпить? Сына подождать не можете?

Илья: Давайте подождём.

Мария *(игнорируя его, Грише):* Он хороший парень.

Гриша: Если бы хороший парень хотел прийти, он бы не стал опаздывать на полчаса.

Илья *(смотрит на телефон):* На десять минут. Неполных.

Гриша: Ждём до десяти.

Несколько секунд все смотрят на входную дверь. Илья убирает телефон.

Поехали. *(Подождав, пока все рассядутся и поднимут стопки.)* Ну, земля ему пухом. Бракованный был человек, а всё ж человек. *(выпив)* Чего-то она какая-то...

Семён: Финская.

Мария *(выпив):* Гадость!

Татьяна *(ей):* Буженинки возьми: свежая... Илюш! *(Предлагает ему.)*

Гриша: Ну и неделька выдалась.

Илья: Да уж.

Гриша: Мы же в понедельник собирались за Михалёва решать?

Семён: А уже обмываем.

Мария: Мы поминаем, Сеня.

Татьяна *(подкладывая Илье винегрету):* Это он нарочно.

Гриша *(с укоризной):* Сёмыч, Сёмыч!.. Уж лучше анекдоты рассказывай, что ли.

Семён: Расскажу, Гришенька. Я очень смешной анекдот приготовил.

Заходит Ромка. Небольшая пауза.

Ромка: Здравствуйте.

Гриша: Что ж ты, брат, опаздываешь? Мы батьку твоего поминаем, а тебя нет.

Мария: Гриша! *(Ромке)* Мы только сели. Проходи. Принесите стул, кто-нибудь.

Илья: Садись. *(Отдаёт свой стул и приносит другой.)*

Ромка: Спасибо.

Мария *(Ромке):* Давай, я уберу. *(Берёт у него куртку и уносит к себе.)*

Татьяна: Винегрет будешь? *(Ухаживает за ним.)*

Ромка: Спасибо. *(Грише)* Я в пробке застрял. Сорок минут стояли.

Татьяна *(Грише):* Понял? *(Подает тарелку Ромке.)* Держи.

Мария *(возвращается с чайником, проходя мимо Гриши):* Просила: поставь чайник. *(Ставит его на плиту.)*

Гриша: Ой-ё!.. Маш, забыл.

Семён *(Ромке):* Что ж ты, любил родителя, раз пришёл сюда?

Мария *(Семёну):* Да что с тобой? Кто такое спрашивает?

Илья *(Ромке):* Не обращай внимания.

Ромка: Любил. *(Пауза.)* Расскажите про него.

Гриша: Что рассказывать? Человек был... Боксом занимался.

Семён: Перед смертью прибрал всё аккуратно. В комнате.

Татьяна *(её очередь, т.к. Мария у плиты):* Чай любил.

Мария: Он тебя любил, Рома.

Ромка: Почему Вы так думаете?

Илья: В тот день, когда ты приходил, он сказал мне, что у него в душе горит свечка. И что это ты не даешь ей погаснуть.

Ромка: Он так сказал?

Илья: Да.

Гриша: Ну, умные люди поговорят, поговорят, да и выпьют. *(Разливает.)*

Семён: Золотые слова, Гришенька.

Мария: Мне не наливай.

Семён: Нельзя, Машенька: Рому обидишь.

Гриша *(предлагая Ромке):* Ромыч?.. Как знаешь. *(Выпив.)* Нет, модник, не по душе мне твоё пойло.

Семён: Не по душе? *(Взглянув на часы, встаёт.)* У меня маленькое объявление.

Татьяна: Ты уймёшься сегодня или нет?

Гриша: Сядь! *(Тянет его, но Семён резко выдёргивает руку.)* Что, на дыбы встал?

Илья: Не порть поминки, Семён. Потом поговорим.

Семён: Потом не получится, Илюша. Да и не о том я хочу, о чём ты думаешь.

Ромка: Пусть он скажет. Что вы на него набросились?

Гриша: Ты, парень, в наши дела не лезь. Вон буженину лопай.

Семён: Водка, которую мы сейчас пили, отравлена.

Гриша *(Татьяне, на её досадливый жест):* А чего ты ждала? *(Семёну)* Доволен? Садись, юморист, выступил.

Илья: Он пьян.

Семён *(уверенно):* Я не пьян, и я не шучу. Я добавил в водку яд, которым мы травим шестиногих. Зелье свирепое: собаку в пять минут скрутило. Помнишь, Танюш, я тебе рассказать хотел? Так что в «скорую» можно не звонить: всё равно не успеют.

Мария *(после паузы):* Зачем ты это сделал?

Семён: Зачем? Терпеть устал, вот зачем... Я с детства был рохля, никогда не мог дать сдачи. Бойкие дети вроде Гриши отбирали у меня игрушки, а я делал вид, что поделился сам, или, что это такая смешная шутка. Потом заискивал у них, чтобы отдали. Они выбрасывали её, изломанную, помятую. Я, глотая слезы, подбирал... Я думал: «Это только у детей так. Надо подождать: оттерпимся – и мы люди будем». А оказалось, что нет. Такие, как Гриша, всю жизнь давят, помыкают, требуют, заставляют. А такие, как я, всю жизнь подчиняются, унижаются, отпихиваются – терпят. И ничего другого не будет. Есть всякие краснобаи, которые говорят, что живут по-другому... а потом они уводят у тебя жену. Забирают, как огальё забирает у тихих детей мелочь...

Мария: И ты решил убить нас.

Семён: Конечно. А вы хотели бы, чтобы я тихонько загнулся, как Михалёв. Чёрта с два! Может быть, лет через двести-триста народятся настоящие люди, а вы...

Гриша: Сука! *(Бьёт Семёна.)*

Мария *(оцепенев, тихо):* Тише, тише... тише, тише...

Ромка *(Грише):* Что Вы делаете?

Татьяна: Гадина! *(Рвётся к Семёну.)*

Илья *(удерживает её):* Таня! Таня, что ты!

Татьяна: Он же убил тебя! Убил, гад!

Илья: Кто убил? Я живой. Вот он я. *(Обнимает её.)*

Ромка *(Грише):* Прекратите!

Гриша *(оставив Семёна):* Марья, звони «сто двенадцать»! Вы набирайте воду: будем утробу чистить.

Уходит в туалет. Мария, выйдя из оцепенения, уходит к себе.

Илья: Видишь? Сейчас вызовем врачей, промоем желудки.

Татьяна (*с отчаянием*): Он восемь лет с ядом работает. Какие врачи? (*Гладит по лицу.*) Любимый мой, долгожданный... Сколько я о тебе мечтала, сколько у судьбы просила... Думала, выпросила. (*Семёну*) Ты! Сколько нам осталось?

Семён (*поднимается с пола*): Минут пять. (*Садится за стол.*)

Татьяна: Минут пять.

Илья: Неужели, правда? Сейчас всё кончится?.. А я не понял ничего. Зачем всё это было – моя жизнь? Что это было?.. Я думал: позже пойму ... (*Садится.*)

Мария (*заходит, говорит по телефону*): Нет, вход со двора... Поторопитесь, пожалуйста... (*входящему Грише*) Промывать желудок с содой.

Гриша (*утирая рот*): А чё стоим? Где сода?

Ромка: Активированный уголь можно.

Гриша: Уйди, пацан. (*Набирает воду в кастрюлю.*)

Татьяна (*Илье*): Пойдём к тебе. Не хочу никого...

Семён (*Ромке*): Сядь. Потом расскажешь, что тут было. А лучше засними. Вон у Илья телефон с камерой.

Гриша (*не очень уверенно*): Да ты брешешь. (*Пауза.*) Ну а Машку-то за что?

Семён: А чем она лучше? Сыну про любовь наваливает, а отца...

Мария: Семён!

Семён: ... в тюрьму хотела... чтоб он жить не мешал...

Ромка (*Марии*): Что Вы хотели?

Семён: В тюрьму посадить. Мы все хотели. Гриша придумал план, мы поддержали. Илюша для виду поартачился: он у нас любит благородное.

Татьяна (*тоскует*): Пойдём!

Ромка: А поминки зачем?

Семён: Я про что и говорю! Понимаешь теперь, с кем живу?

Татьяна: Пойдём же! Илья! (*Встретив его взгляд, садится рядом и рыдает.*)

Ромка (*Марии*): Где моя куртка? (*Не получив ответа, идёт за курткой сам.*)

Мария (*Семёну, спокойно*): Ты гадок.

Гриша (*себе*): Эти руки сгниют. Моя голова сгниёт. Мои мысли... воспоминания... И я, стало быть? И ничего не останется?.. здесь...

Мария (*Грише*): У тебя есть сын.

Ромка в куртке появляется из коридора.

Олеськин Вовка – твой.

Гриша: Какой Вовка? Какая Олеська?

Мария: Михалёва сестра.

Ромка останавливается, услышав свою фамилию.

Семён (*ему*): Тётка твоя, получается.

Ромка: Что «тётка»?

Мария (*Грише*): Она мне со злости сказала два года назад.

Гриша: Маша, это... Она врёт...

Мария: А я, знаешь, что почувствовала тогда? Вину. Эта тварь один раз с тобой легла – и полный подол. А я... (*помолчав*) Испортила я тебе жизнь.

Ромка: Тётя Олеська?

Мария (*Грише*): Надо было сразу уйти. А я любила тебя сильно.

Семён (*наливает Ромке сока*): Выпей. Он не отравленный.

Мария: Ты бы сейчас ужинал с какой-нибудь женщиной. С детьми, может быть.

Гриша: Мне без тебя не надо... Не смейся, я... Да, было у меня с ней. Может, и пацан от меня. Но это всё не то. (*Всплыв.*) Я в глаза его не видел – какой это сын?

Мария: На тебя не угодишь.

Гриша: Ты дашь мне сказать?.. Я всю жизнь боялся недополучить. Боялся, что удачливые обойдут меня, ушлые урвут, больше, чем я, сильные отберут моё. И я хватал, хватал... где только мог.

Семён (*указывая на «окно»*): Стекло стоит триста, а ты сказал четыреста двадцать.

Гриша: А? Да. (*Илье*) И твои три рубля тоже я взял, Ильич.

Илья: Что ты сказал?

Гриша: Когда бачок ставил. Дверь была открыта, я зашёл...

Мария: А он Михалёва обвинил.

Илья (*схватившись за голову*): Что мы делаем? Что мы делаем?..

Ромка (*тихо*): Что вы за люди?

Семён: Обыкновенные, Рома. Самые рядовые.

Гриша (*Марии*): Но сколько бы я ни ухватил, мне всегда было мало. И не от жадности; ты знаешь: я не жадный. Просто когда я получал что-нибудь, оно всегда оказывалось не тем, не таким... Как сказать-то?.. Как будто кто-то сцеживал радость и счастье, а мне оставлял только деньги или что уж я там вымучивал... путёвку в Геленжик. Понимаешь? И я бросался за следующим. Я и детей-то хотел не как ты, а для себя, в копилку... А всё, что мне было нужно... всё, что...

Стонет от боли в животе. Мария помогает ему сесть и сама садится рядом.

Семён: Началось. Теперь уже скоро.

Ромка идёт к двери.

Мария: Шапку забыл.

Ромка возвращается за шапкой, и у двери его останавливает возглас Ильи.

Илья: Прости нас!.. (*Встаёт.*) Прости, пожалуйста. За поминки, за отца. Прости за то, что мы такие.

Ромка: Мне нужно идти.

Илья: Мы сейчас умрём! Можешь ты это понять? Нас больше никто никогда не простит.

Мария (*себе*): Господь отпустит.

Илья: Ответь же мне!

Семён (*Илье*): Ну что ты его терзаешь?

Илья (*Ромке*): Чтобы ты меня понял, что я есть. Чтобы почувствовал, что я чувствую. Я знаю, тебе неинтересно, противно, ты оскорблён... но пожалей меня. (*Небольшая пауза.*) Просто выслушай, ладно? Хорошо?

Ромка (*ему хочется уйти*): Хорошо.

Илья: Никто из нас не хотел так жить. Никто не думал, что станет тем, кем он стал... Когда-то мы были детьми. Мы верили в добро, и эта вера не казалась нам смешной.

Гриша: Завёл «Питер Пэна».

Илья: Мы хотели быть честными, чтобы сражаться с неправдой, хотели быть сильными, чтобы защищать тех, кто слабее. Мы боялись и презирали трусов, предателей, подлецов, и точно знали, что никогда не станем такими. Кто угодно, только не мы. Высокая, чистая жизнь звала нас, и мы спешили к ней, как к празднику. Работать, сражаться за правду, становиться лучше, чтобы в мире было больше хорошего – всё тогда было в радость, всё по плечу. Мы были благородны, в каждом видели брата и щедро делились любовью: нам казалось, что хватит на всех. Но путь был длинным, и на всех не хватало... Я не знаю, с чего это началось и когда. Кто-то достигал успехов ценой

маленьких подлостей, от которых никому не стало хуже. Кто-то надломился, не выдержав горя. Кто-то просто устал. Мы изверились. Ты понимаешь, что это такое? Смотришь на икону, а видишь только раскрашенную доску. Видишь зло, но не понимаешь, почему с ним нужно бороться. Правда, совесть, добро, все прежние идеалы стали словами, риторическими фигурами, чем-то вроде мнимых единиц, которые используются в математике, но которых не бывает в жизни. Это страшно, Рома. Мы сточились. Как карандаши. Может быть, это старость: тело изнашивается к пятидесяти годам, а душа – к тридцати. Может, мы виноваты сами. Но ты нас не осуждай: мы уже наказаны. Тревожные, недоверчивые, остерегающиеся ближнего, как коварного врага, мы заперлись от него в тюрьме своего эгоизма. Смотрим на жизнь сквозь скуку и вялый цинизм и одурманиваем себя водкой, чтобы не видеть, *что* сделали с собой... Прости же нас, Рома... Ведь если не ты, то кто?

Ромка: Я на вас зла не держу.

Илья: Спасибо... Спасибо... А теперь иди. *(Окликает его, когда Ромка уже открыл дверь.)* Ты веришь, что наша свечка ещё горит?

Несколько секунд все смотрят на Ромку. Потом он разворачивается к залу. Свет на сцене медленно гаснет: кухня тает в темноте. Ромку освещает прожектор.

Ромка: Они смотрели на меня, как будто ждали, что я их спасу, а мне хотелось только одного: бежать. Как можно дальше бежать от этой кухни, пропахшей луком, табаком и несчастьем, от тоскливого света шестидесятиваттки, от взглядов этих полумёртвых людей. Но я почему-то не мог... *(Кухня исчезла во тьме.)* Год спустя мать сошлась с Варламовым, и мы переехали в Москву. Перед отъездом я приходил к дому, где жил отец. Не знаю, зачем. Я не поднялся в квартиру: в подъезде поставили домофон, нужно было бы звонить, а мне не хотелось представляться. Больше я там не был... Сейчас мне девятнадцать. Я учусь на экономическом, играю за университет в волейбол. Недавно у меня появилась девушка. Про отца я стараюсь не вспоминать. Непотребные поминки, тяжба за комнату, которую затеяла тётя Олеся, срамная слава свидетеля, показанного в криминальной хронике, – всё это слилось с образом отца, слиплось в безобразный нечистый ком, и я... не могу. Я не осуждаю: у каждого своя жизнь. Но ведь и у меня тоже. Я хочу прожить по-другому. Бог весть, что выйдет, но одно я знаю наверняка: такого, как с ними... такого со мной ни за что не случится.

Прожектор гаснет, из тьмы возникает кухня. Солнечный летний день. Столы, как прежде, расставлены по стенам. Вместо кастрюли и немых кружек на столе Ильи – казан и цветастое полотенце, вместо радиоточки – автомагнитола и небольшие колонки, из которых негромко хрипит Высоцкий. У входной двери появился домофон. С потолка свисает улавливающая мух лента. У плиты стоят ведро и швабра.

Гриша *(из подъезда):* А он уже полгода сломан. Так и бегаем... Ты сам?

Илья *(из подъезда):* Нет, я с Таней.

Заходят. Гриша одет по-домашнему, Илья – по-уличному.

Илья *(входя):* Она в Солдатском парке, с Максимом гуляет.

Гриша: Это кто?

Илья: Сын.

Гриша *(останавливается):* Поздравляю.

Илья: Спасибо... У вас по-старому. *(Видит казан.)* Казан.

Гриша: Теперь тут узбеки живут, в твоей комнате. Чебуреки жарят. Здесь студент, тоже какой-то оглы. Михалёвская пустая стоит... А сколько сыну?

Илья: Год и два месяца.

Гриша: Стало быть, отец... А промышляешь чем?

Илья: Там же, корректором.

Гриша: И я там же, в «Рембыте». Люди технику ломают, а я чиню.

Илья: Ты один живешь?

Гриша: Один. *(Небольшая пауза.)* Маша ребёнка усыновила.

Илья: Да ты что?

Гриша: Три года как, сразу после поминок. Хороший пацан, рисовать любит.

Илья: Вы общаетесь?

Гриша: Захожу к ним время от времени.

Илья: Надо же! А ты не думал... Столько лет вместе.

Гриша: Думал, конечно. Я ей предлагал, много раз. Она не хочет. Говорит: «Не верю, что ты Антона полюбишь» Это малого Антоном кличут... Не верит мне... А может, за Олеську простить не может. *(Небольшая пауза.)* Но у неё никого нет, это я точно знаю.

Илья: Может, ещё сладится.

Гриша: Может быть... Давай бахнем по пятьдесят?

Илья: Таня ждёт.

Гриша: Она, что, не зайдёт?

Илья: Не хочет. Дурные воспоминания, сам понимаешь.

Гриша: А ты захотел... Давай! Мы с тобой ни разу не выпили.

Илья: А на поминках?

Гриша: Это да. Сугубое похмелье было.

Илья: У тебя хоть холодная?

Презрительно фыркнув, Гриша уходит к себе. Илья меняет Высоцкого на меланхоличный рояль, проходит по кухне. Он смотрит на ленту, когда Гриша возвращается с водкой, стопками и куском чёрного хлеба.

Гриша: Тараканов вывели, теперь мухи одолевают. Второй год с ними воюю. *(Разливает водку, разламывает хлеб.)* К барьеру! *(серьёзно)* Я знал, что ты зайдёшь.

Илья *(так же):* А я был уверен, что ты будешь здесь.

Гриша: Это мой дом. *(Небольшая пауза.)* За встречу. *(Выпив)* А?

Илья: Хорошая.

Гриша: А то! Фирма веников не вяжет. *(Наливает по второй.)* Фирма штопает трусы.

Илья: По пятьдесят хотели.

Гриша: Не нуди, Ильич! Противно слушать. В кои-то веки встретились! *(Подает стопку.)* Держи, говорю! Мнёшься хуже Семьича.

Илья *(берёт стопку):* Ты о нём что-нибудь знаешь?

Гриша: У скобарей кукует, в Крюках. Ничего, живёт. Радиаторы клекает. Года через пол на УДО подаст.

Илья: Откуда такие подробности?

Гриша: Я к нему на свиданку ездил.

Илья: Ты?

Гриша: Больше-то некому. Ну, давай. За твоего сына. *(Выпив.)* Теперь можно перекурить. *(Закуривает.)*

Илья: Странно всё это. Если бы Семён сумел правильно развести яд, мы были бы мертвы, а ты возишь ему передачи. Таня говорила, что ненавидит это ведро...

Гриша: Какое ведро?

Илья: Вон, с которым ты пол моешь. А когда мы переехали, она купила такое же. Я рвался научить человечество нравственности, а теперь мне достаточно того, что один подросток не считает меня сволочью.

Гриша: Это кто ж такой?

Илья: Сын Михалёва. Помнишь, на поминках?

Гриша: Что?

Илья: Помнишь, что он ответил на мой покаянный монолог?

Гриша: Ничего не ответил. Сказал, что ему домой надо.

Илья: Нет, а потом, в конце. Я спросил: «Веришь, что свеча не погасла?», а он сказал: «Верю».

Гриша: Он этого не говорил.

Илья: Как не говорил? Что же он сказал, по-твоему?

Гриша: Ничего. Проямлил, что ему нужно идти, и вышел. Потом приехала скорая. Потом менты.

Илья: Ты просто забыл.

Гриша (*показывает*): Ты стоял здесь. Шкет у двери. Когда ты закончил, все пялились на него, как будто ждали, *что* он скажет.

Илья: И он сказал...

Гриша: Он ничего не сказал. Сёмыча скрючило, поднялся кипеш. Пацан мекнул, что его ждут дома, и бочком на выход.

Илья: Ладно. Не о чем спорить. Ты запомнил так, я иначе.

Гриша: Я запомнил, как было.

Илья: Я знаю, что слышал.

Гриша: Ты хотел это услышать.

Илья: А ты не хотел.

Пауза. Смотрят друг на друга. Звонит телефон Ильи.

Илья (*взглянув на экран*): У Тани спросим.

Гриша: Добро.

Илья (*по телефону*): Алло... Да, с Гришей. Вспоминаем всякое... За мной? Так ты у парадной? Слушай, поднимись на минутку, пожалуйста. У нас... Я понимаю, но у нас тут спор, и ты...

Гриша: Дай, я.

Илья (*отводит руку Гриши*): Для меня это важно. Пожалуйста... Да, две минуты... Спасибо... Нет, не звони, он сломан. Сейчас Гриша выйдет. (*Кладёт телефон.*)

Гриша: Боишься?

Илья: А ты?

Гриша: Разлей пока. (*Выходит.*)

Илья (*один*): Он сказал: «Верю».

Занавес.

Апрель-май 2015